

16+

ЗАГАДКА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

АННА ВИК

Анна Вик

Загадка Троянской войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63045238

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96645-1

Аннотация

Правит ли миром любовь? Или правит им разум? Было ли суждено тем, кто изменил судьбы тысяч, родиться в нужное время и в нужном месте?.. Елена Прекрасная расскажет свою истинную историю тому, кто полюбит ее всем сердцем. Но какова будет их судьба, и что придется совершить ему во имя этого простого и в то же время сложного чувства?..

Содержание

Рассказ Лаэрта	4
Парнасская охота	9
Прекрасная дочь	34
Хитрость Менелая	62
Побег с Парисом	77
Ответ на загадку	97

Анна Вик

Загадка Троянской войны

Рассказ Лаэрта

Спарта, 6?? BC

– Немногие знают истинную историю Одиссея, очень немногие! Но еще меньше известно людям о Елене Прекрасной, той самой женщине, из-за которой началась знаменитая Троянская война!.. – начал как бы нараспев говорить старейший из геронтов¹, восседавший посредине их большого полукруга.

Хотя и Лаэрт не был царем, он обладал намного большей властью, чем каждый из них. То же касалось и остальных старцев – ни один из герусии, состоявшей из двадцати восьми человек, не мог сравниться с ним по весу своего голоса. Лаэрт, казалось, знал все в этой жизни. Все истории, все люди, с которыми они случались и будут случаться, были ему известны. Иной раз ходила молва среди Спартанцев, что он был зачат самим Аполлоном и простой смертной.

¹ В Спарте герусия была высшим правительственным органом. Она состояла из 28 геронтов, выбиравшихся пожизненно и 2 царей из разных династий.

«Оттуда у Лаэрта и дар предсказания и такое всезнание! – порой шептались между собой некоторые жрицы храмов. – Иначе быть не может, сын бога. А еще какие у него познания в лечебном деле! Если что заболит – сразу к нему идти надо, Лаэрт точно знает, как лечить и чем».

Конечно, сам Лаэрт знал про эти слухи, но только потешался, когда спрашивали, правдивы ли они. Дело было в том, что за свои семьдесят лет жизни он просто очень многое и многих успел повидать. Спарта была его домом и родиной, но он довольно часто ее покидал. Хотя и полис был закрыт на въезд и выезд для большинства граждан, к Лаэрту это не относилось, потому как он в своих поездках занимался исключительно важными делами. Инкогнито он нередко бывал во враждующих со Спартой городах, подкупал некоторых их граждан для обеспечения связи с ними. Он понимал, что безопасность полиса невозможно было обеспечить лишь только внутренним жестким устройством, и поэтому его идеи, уже проверенные временем, едва ли осуждались кем-то из царей или геронтов.

Рассказ свой Лаэрт начал неспроста. Из года в год он собирал подрастающее поколение, мальчиков и девочек четырнадцати лет, чтобы поведать им историю какого-нибудь героя. А про героев он знал правду, и действительно знал ее больше, чем кто-либо из живущих ныне греков. Истинные эти истории жили в его уже уставшем от суеты разуме, и он сам любил предаваться размышлениям о них, игре своего

уже затуманенного тревогами воображения. Но главной целью этих рассказов оставалось наставление: у каждого сказания была мораль. И Лаэрту было важно прочувствовать, что она была понята подростками.

– Елена была спартанкой! – вдруг выкрикнула одна из девочек, сидевшая прямо возле костра.

Кроме мальчиков обычно никто не сидел в первом ряду на таких торжественных сборах, но для этой юной особы, по всей видимости, было сделано исключение. Лаэрт с едва заметной полуулыбкой посмотрел на нее, забавляясь ее ребяческой дерзости. Однако во взгляде ее он заметил не только огонек, но еще и острый ум. Ни один из сидевших возле нее мальчиков, будущих спартиатов, не смотрел на мир так осмысленно.

– Да, как и ты, – подтвердил Лаэрт, продолжая рассматривать собравшихся юнцов. – И однажды, не сомневаюсь, в своем роде ты сможешь сыграть в этом мире не менее важную роль, чем эта женщина. Все знают, что она славилась как самая прекрасная на свете, не так ли?

Подростки закачали головами. Конечно, с детства старшие рассказывали им про Троянскую войну и ее начало, как Парис похитил Елену, которая в то время была женой Менелая, тем самым спровоцировал греков на нападение. Во всяком случае, так гласила легенда. И поставить ее под сомнение, конечно же, не решался никто из детей или взрослых. В Спарте вообще ставить что-то под сомнение считалось опас-

ным. Так думали все, однако Лаэрт, как и практически везде, обладал неприкосновенностью, и мыслил и говорил то, что считал нужным.

– Так, уже хорошо, – продолжил геронт. – И все знают, что она была плодом любви бессмертного и смертной?

Тут уже большинство охватило смятение. Однако девочка из первого ряда вновь подала голос:

– Она была дочерью Леды и Зевса. Зевс соблазнил Леду в образе лебедя, и поэтому Елена якобы вылупилась из яйца.

– Почему якобы? – нахмурился Лаэрт. Увидев его напускное неодобрение, сидевшие рядом мальчики начали с недоверием поглядывать на свою соседку.

– Потому что я не верю в этот миф, – уверенно сказала маленькая спартанка. – Вернее, это даже не миф, а какая-то детская сказка. Я верю в богов, и я верю даже в то, что Афина появилась на свет, расколов череп своего отца. А что, это вполне может быть! Ведь боги, хотя и так похожи на смертных, все-таки гораздо сильнее их и имеют другие тела, способные на большее. А Леда была лишь женой спартанского царя, она не была наделена никаким даром, кроме разве что так искусно лгать.

– Ты так смело рассуждаешь, дитя! – с возмущением заметил сидевший по правую руку от Лаэрта геронт Лин. – Неужели ты не веришь старшим?

– Не верит, и правильно делает, – только рассмеялся в ответ на это замечание Лаэрт. – Потому что все истории, что

передаются из уст в уста, имеют на себе отпечаток мнения рассказчика. Это неизбежно, но это и не так плохо. Ведь иначе они и не были бы такими завораживающими.

– О Боги, Лаэрт, ближе к делу! – вдруг воскликнул сидевший в самом конце полукруга геронт Патрокл. – После такого сытного ужина меня уже начинает клонить в сон.

Ужин в Спарте действительно был сытным в этот вечер. Так называемая черная похлебка, которую ни один из приезжих из других полисов при жизни Лаэрта так и не смог доесть до конца, была приготовлена из всего самого свежего. Урожай был хорошим в это лето, поэтому чечевица была мягкой, но при том не сильно разваривалась, а свиной зарезали накануне пира. Похлебку, как обычно, варили из свиных ног, свиной крови и уксуса. Никто, конечно же, из спартанцев, от такой трапезы не отказался, и даже самые слабые желудки были набиты, казалось, на день вперед.

– Все-все, мой дорогой Патрокл, – вновь улыбнулся Лаэрт. – Перехожу же к своей истории, которую я называю «истинной историей Прекрасной Елены и Одиссея». Что-то я в ней преувеличу, а о чем-то рассказать, наоборот, забуду, но знайте, все сидящие возле этого кострища, что эта история – самая правдивая из всех, что вам доведется когда-либо услышать. Перейдем же к ней.

Парнасская охота

– Отца Одиссея звали точно так же, как и меня, – проговорил Лаэрт, устремив свой взгляд в огонь, будто наблюдая в нем какую-то картину и описывая ее. – Согласно легенде, он был одним из многочисленных смертных потомков Зевса, однако мне кажется, что это очередная выдумка. Если уж начистоту, то полубогом в этой семье скорее стоит считать самого Одиссея, а именно я бы назвал его сыном Афины, и ничьим другим. Да-да, он был с самого детства смышлен и храбр, так рассказывали мне старшие!

Лаэрт, что жил многие столетия назад, был, как известно, царем Итаки. Хорошим ли он был правителем, плохим ли, никто достоверно не знает, ясно лишь то, что он отказался от своей власти в пользу сына, когда тому было шестнадцать лет. Сделал это Лаэрт, как мне кажется, именно потому, что считал Одиссея более достойным царем.

Мальчик рос, как и все дети богатейших семей полиса. Он никогда ни в чем не нуждался, самые ранние годы проводил в праздности и в играх со своими сестрами и матерью. Ходили слухи, что мать была в родстве с богом Гермесом, покровителем всех проказников и воров. Каждый день она устраивала сыну какие-нибудь веселые игры: прятала в доме предметы и загадывала сыну загадки, наводящие его на их наход-

ку. Антиклея была очень хитрой и умной женщиной, хотя ее муж даже и не догадывался об этом. Жаль, жаль! Он очень многое потерял, оградив себя от общества этой женщины, однако все мы знаем, что во всех полисах, за исключением Спарты, мужчины ставят себя намного выше, что, конечно же, так прискорбно!..

Но не будем о грустном. Антиклея, как я уже сказал, особенно обращалась со своим сыном. Загадки от нее Одиссей получал почти каждый день, и успешно их разгадывал. Но одну из них он так и не смог разгадать, а загадала мать ее как раз в день своей кончины, незадолго до становления Одиссея царем Итаки. Она звучала так: «что рождается утром, днем превращается в камень, а ночью обращается в прах?». Женщина была уже тогда тяжело больна несколько месяцев, и юному Одиссею было позволено навещать ее каждый день. Он сидел у ложа матери и пытался весь день придумать ответ, но так и не смог этого сделать. Последними словами Антиклеи своему сыну стали: «найдешь ответ ты в устах Прекрасной, но найдешь его слишком поздно». А затем она, вздохнув с жутким хрипом в последний раз, начала задыхаться, и через несколько минут отправилась в царство Аида.

Лаэрт, будучи занятым подсчетом скота, даже не появился в тот день на половине жены, в гинекей². Когда же Одис-

² Так называлась женская половина в доме, занимавшая заднюю его часть или второй этаж.

сей пришел, находясь в глубокой скорби, к отцу с сообщением о кончине Антиклеи, тот лишь пожал плечами и сказал: «должно быть, боги покарали ее болезнью за вечные проказы и глупости». Сын был вне себя от ярости и, вскричав: «должно быть, боги покарали тебя каменным сердцем за такой скудный ум!», замахнулся уже было, чтобы ударить Лаэрта, но в последний момент остановил себя, и убежал прочь.

Его не было дома несколько дней, и отец, испуганный тем, что мог потерять своего единственного наследника, отправил на поиски Одиссея лучших воинов Итаки. Все они вернулись ни с чем, однако сам юноша вернулся на шестой день после своей пропажи. Казалось, он совсем забыл о своем гневе на отца, перед ним Одиссей даже извинился и сказал, что лучшим лекарством от смерти матери для него стала бы поездка к своему деду, в Дельфы.

– Если ты и впрямь этого так хочешь, то, конечно, – вздохнул Лаэрт, измученный горем. Он, казалось, за дни пропажи сына, постарел на несколько лет. Так сказывали геронты Итаки, и я им, конечно же, верю. Пусть царь был и жесток, он любил Одиссея, и не мог ему отказать.

Пятнадцатилетний юноша отправился к своему деду Автолику, который одарил при встрече его богатыми подарками. Жил он на горе Парнас и славился как известный хитрец и вор, и все знали, что богатство было его нажито не совсем честным путем. Однако Одиссей не смог устоять, как и

любой смертный молодой мужчина, перед теми дарами, что были преподнесены дедом, который хоть и скорбел, но был несказанно рад приезду внука. И чего только Одиссей не нашел в позолоченных сундуках! Груды самого новейшего оружия, которое пригодилось бы как в бою, так и на охоте; фarosы³, достойные самого настоящего царя и воина, с искусно вышитыми на материи изображениями богов и мифов; множество пар сандалий, таких удобных, что, юноша воскликнул, примерив их:

– Да ты, дедушка, и впрямь, должно быть, сын Гермеса! Не может быть такого, что эти сандалии не полетят, когда я в них побегу!⁴

Автолик только рассмеялся в ответ, хотя горе от смерти дочери не покидало его. Хотите верьте, хотите нет, но такую смышленную дочь, как Антиклея, редко кому вообще доводилось иметь! Она была его другом и единственной радостью, потому как зятя он на дух не переносил и никогда не ездил из-за этого в Итаку.

– Нет, теперь я отсюда не уеду, покуда не поохочусь в этих краях! – восторженно сказал Одиссей после того, как примерил все свои новые одежды и отблагодарил деда.

Он чувствовал себя теперь не просто отпрыском знатного и богатого рода. Он чувствовал себя *царем*, настоящим бу-

³ Фарос, который представлял собой роскошный верхний плащ, древние греки носили поверх хитона, нижней одежды.

⁴ Крылатые сандалии считались неотъемлемым атрибутом Гермеса.

душим Итаки. Казалось бы, что значит надеть на ноги сандалии из тонко переплетенных кожных шнуров, на тело – хитон с пурпурным гимантием, а на голову – позолоченный шлем? Для юного Одиссея это означало *примерить власть*, а не одевания. И она ему шла, так же как ему шла его внутренняя и внешняя сила. Он это знал, так же как знал и то, что таким своим видом он сможет внушить своим подданным и страх, и любовь одновременно.

– Потомок Артемиды видно ты, мой друг, ко всему прочему! – вновь усмехнулся дед, но с явным удовольствием воспринял это намерение внука. Весть о затянувшемся пребывании Одиссея должна была расстроить Лаэрта, и хотя бы это уже поднимало Автолику настроение.

Охотиться решили на вепря возле горы Парнас, чтобы, в случае какой-либо травмы, можно было без промедлений вернуться домой. Несмотря на то, что Автолик хотел бы поддержать у себя внука подольше, навредить он ему бы не хотел, и потому все лучшие потомки Аполлона⁵ были вызваны из Дельф в жилище старика, чтобы при необходимости исцелить раны охотников.

Одиссей был взволнован как никогда прежде в своей жизни. Ведь, хотя юноша теперь выглядел и чувствовал себя гораздо мужественнее, чем когда-либо, это никоим образом не делало его бывалым охотником, а уж тем более на такого зверя, как вепрь.

⁵ Апполон был богом врачевания.

– Скажи, дедушка... Тебе кажется, я справлюсь? – подошел он в день охоты к старику, встречавшему первые расцветные лучи во дворе своего дома, прислонившись к одной из искусно выполненных колонн.

Автолик нахмурился и оглядел внука с головы до пят, будто бы пытаясь оценить, насколько тот действительно готов к охоте, по его внешнему виду.

– Справишься, это несомненно, – продолжал хмуриться старик, глядя Одиссею в глаза. Впервые тогда юноша заметил, насколько глубокий и насыщен был карий цвет радужки дедовых очей.

– Но ведь мне всего пятнадцать лет, – пробормотал Одиссей. – И отец никогда прежде не брал меня на охоту.

Вдруг Автолик рассмеялся. Смех его, едва начавшись, вдруг перетек в кашель.

– Тебе *уже* пятнадцать лет, почти шестнадцать, – ответил Автолик, отдышавшись. – Примерно в твоём возрасте я владел двумя рыночными лавками, в одной из которых продавалось мясо как раз-таки вепрей, и причем самое лучшее во всем полисе. Охотились на этих вепрей, конечно же, нанятые мною охотники, но поначалу я все делал сам. И меня этому никто не учил, просто потому что этого кого-то вообще не было.

– Ты был сиротой? – удивился Одиссей, к своему стыду осознавший, что почти ничего не знает о прошлом деда, который доживал уже шестой десяток.

– Моя мать была πόρνοι, то есть блудницей, проституткой. Я вырос и жил в публичном доме до тринадцати лет, пока не ушел оттуда. Эта женщина была гораздо хуже всех других, что работали в нем. Эта женщина... Прости, дорогой Одиссей, я даже не хочу называть ее по имени, так оно мне противно, как и все ее существо!.. Так вот, она противопоставляла себя всем другим обитательницам борделя. Мы жили в одной из самых маленьких, запущенных комнат. Вечная грязь, плесень и крысы были моими лучшими друзьями, пока я был младенцем. Как я еще не умер или не заработал себе букета болезней, до сих пор для меня остается загадкой!

Она работала в ночь, а большую часть дня спала. Когда просыпалась, то начинала пить неразбавленное вино, что не делали даже самые грязные из мужчин, с которыми она потом спала. Дыхание ее было отвратительным, от нее вечно воняло кислятиной. Еды мать никогда не готовила, лишь давала деньги, чтобы я, начиная лет с пяти, сам ее отыскивал для себя и нее. Единственное, наверное, за что и стоило ей сказать спасибо – так это за те золотые монеты, что ей удавалось заработать за ночь своим телом. Почему так много? Потому что несмотря на то, что питалась и спала она дурно, двигалась мало, эта женщина была одной из самых красивых, что я вообще когда-либо встречал в своей жизни.

Плохое дыхание она маскировала тем, что жевала листья мяты, а смрад от тела легко смывался в теплой ванной. Все, кроме меня, считали ее дочерью самой Афродиты, так она

была великолепно в своих нарядах, когда выходила на показ к самым богатым мужчинам полиса! Высокая, с идеальными пропорциями полных плеч и ног, притом с тонкой талией, которую ей разрешали специально перевязывать кожным поясом, чтобы подчеркнуть контраст... Кожа ее была белой, без единого изъяна, сделанной словно не из крови из плоти, а из камня. Да и сама она, казалось, скорее была статуей, а не человеком. Ожившим творением богов, а не смертной, вот кем считали ее окружающие! Она же им легко верила, и считала себя поэтому именно такой. Презрительно отзываясь обо всех остальных проститутках, не заводя ни с кем новых знакомств, она довольно быстро осталась одинока. Это одиночество она считала уделом гордой и величественной полубогини, оттого и жаловалась мне постоянно на свою судьбу.

Кого видел я? Ленивую и праздную женщину, которая предалась забытию длиною в жизнь, родившая дитя и жестоко разрешившая ему жить рядом с собой. Она начала бить меня едва я стал ходить и бегать. Мои игры с другими детьми вызывали у нее особенную агрессию, но вскоре я научился давать сдачи, и гнев ее поутих.

В тринадцать я окончательно осознал, что сосуществование с ней вообще невозможно, и поэтому в один из ее «рабочих» дней, собрал все свои никчемные пожитки, и ушел куда глаза глядят. А глаза глядели... В лес. Я видел, как мало дикого мяса было на местных рынках, и как сильно оно

наверилось людям, особенно богатым людям. Мне и самому как-то доводилось вкусить кабанины, привезенной кем-то из любовников матери, и это было куда лучше мяса домашнего скота.

Я узнал, когда и где охотились местные охотники, причем сделал это хитро: устроился работать на их псарню. Да, сначала мне месяц пришлось возиться с собачьими отходами, но зато после этого месяца я знал хотя бы с чего мне начать. И я именно *начал*. Бросился в объятья страха, неудач, предательств, нужды. А затем страх сменился уверенностью, неудачи – реальными успехами, предательства и предатели – верными союзниками, нужда – деньгами и богатством.

Я добился «фундамента» своей жизни, на котором затем росло и процветало мое богатство, уже к шестнадцати годам. *К твоим* годам, мой дорогой Одиссей!

– Ого! И неужели это все – правда?! – воскликнул юноша, дослушав до конца рассказ деда. Он казался ему невероятным, и напоминал скорее песню, сочинение.

– Конечно, – взгляд Автолика снова посерьезнел. – Ведь ты же понимаешь, что на самом деле я никакой не сын Гермеса. Все в моей жизни нажито было трудом, и ничем другим. В ней затем, конечно, были и дальнейшие неприятности, однако они не могли ни в коей мере сравниться с теми, что были в самом ее начале. А твои...

– Мои – просто ничто! – воскликнул Одиссей радостно. –

Мой страх никчем. Ведь рядом со мной будут взрослые охотники, будут верные, обученные псы. Так лучше я получу удовольствие от такой охоты, чем буду ее бояться, как последний зайчишка!..

– Вот это – слова моего настоящего внука! – с гордостью одобрил юношеский пыл внука Автолик, положив руку ему на плечо. – Отправляйся же в путь, и, не сомневайся, боги помогут тебе! Я чувствую, что ты был благословлен ими при рождении... Твой взгляд мудр и резок, как у Афины, а тело будет однажды сложено как Аресово. Не сомневайся. *Колесование может однажды стоить тебе жизни, стоить тебе всего.*

На всю свою оставшуюся жизнь Одиссей запомнил эти слова Автолика. Но тогда, выехав на заре нового дня вместе с приспешниками-охотниками деда и гончими псами, он им придал едва ли какое-либо значение.

Езда никогда не утомляла его, как и пешие походы. Но в тот день юноша отчего-то чувствовал сильную усталость, и уже к обеду его вдруг начало клонить в сон. Голова была как одурманенная каким-то зельем, а тело будто перенесло неделю бессонных ночей. Он попросил Дионисия, стоявшего во главе всей охоты, сделать небольшой привал с тем, чтобы вздремнуть.

– Конечно, юный царь, – добродушно согласился охотник, который уже давно поглядывал на свои запасы вина, которое не решался начать распивать утром. Меха были заполнены

целиком и пленили Дионисия, получившего свое имя, видимо, неспроста⁶, как Тантала, мечтавшего о пище и питье в аидовом царстве.

Остальные его приятели радостно поддержали предложение Одиссея, и начали притормаживать своих лошадей. Привал было решено сделать на одной из полян, окруженной деревьями. В их тени была приятная прохлада, как раз то, что нужно слегка уставшим путникам в такой жаркий день.

– Далеко ли Дельфы? – поинтересовался Одиссей у Дионисия.

– Думаю, в дне ходьбы отсюда, едва ли больше. Но ведь мы собрались охотиться на вепря, а не на дельфийских красавиц, не так ли? – усмехнулся мужчина.

Одиссей кивнул головой, слабо улыбнувшись в ответ. Он чувствовал, что если в ту же минуту не ляжет на мягкий мох возле одного из этих деревьев, то ему станет совсем дурно. Поэтому он поспешил слегка отдалиться от шумной компании, начавшую налегать на выпивку и еще мягкие булочки хлеба, выпеченные утром в домашних печах. Свое пристанище юноша нашел в корнях высокого дуба, скрытого остальными деревьями от посторонних глаз. Отчего-то он не хотел, чтобы остальные видели, как он дремал. Сон был для него отдыхом, слабостью, которую он не хотел выказывать перед теми, кто однажды, быть может, станут его поданным.

«А смогу ли я вообще отдыхать спокойно, будучи царем?»

⁶ Дионис славился как бог вина и веселья.

Смогу ли весело налегать на пирах на съестное, на вино, с которым придет забытие? Ведь всю свою жизнь я не буду *собой*. Я буду тем, кем должен быть для своего народа».

Эти мысли были слишком тяжелы для пятнадцатилетнего юноши и утомили его не меньше, чем езда после тревожного и беспокойного сна. Поэтому, едва он положил голову на листву и устроился как можно удобнее, его охватили объятья Морфея.

Спал Одиссей на деле около часа, но для него, по ощущениям, прошло не больше пяти минут. Сон его был жестоко прерван на каком-то интересном и приятном моменте резким звуком. В секунду после пробуждения юноша понял, что этот звук ему напомнил. Это было похоже на звук меча, который достали из ножен. И спустя почти еще секунду он убедился, что оказался практически прав, за исключением того, что это был не меч, а кинжал. Оружие спустя еще мгновение было приставлено к его горлу, и он оказался бессилен хоть как-либо этому сопротивляться.

– Если ты пошевелишься, – прошептал кто-то позади него. – Если ты двинешь хоть пальцем, хоть мускулом... Хоть ухом, клянусь, я прирежу тебя в мгновение ока. Я видела много таких, как ты. Крепких, высоких, с щечками, не знавшими ни дня голода. И все те из них, кто встал на моем пути, уже мертвы.

Спросонья Одиссей не понял, был ли это женский или мужской голос. Но затем, слегка опустив взгляд, увидел пе-

ред собой тонкое запястье с длинными пальцами, на которых были надеты три перстня в виде каких-то животных. Это была рука даже скорее не женщины, но девочки или девушки.

– Ты один здесь? – осведомилась незнакомка уже чуть громче.

Ее правая свободная рука (по-видимому, она была левшой) начала ощупывать его одежды. Когда она наклонилась, чтобы обыскать юношу, то Одиссей успел на мгновение заметить уже недетскую, довольно развитую женскую грудь. Лица не было видно, но отчего-то он догадывался, что оно должно было быть достаточно милостивым.

При себе у Одиссея был небольшой кожаный кошелек с несколькими серебряными и золотыми монетами, а также семейный кинжал, который по отцовской линии передавался из поколения в поколение. С него можно было довольно много выручить, если знать, к какому покупателю обратиться.

Одиссей сначала хотел помотать головой, но затем вспомнил, что его обещали убить при малейшем движении.

– Нет, – смог выдохнуть он. – Я здесь на охоте с другими мужчинами.

Говорить с приставленным лезвием к горлу было очень тяжело морально и физически. По его лбу начала стекать капля пота.

– Где же они все тогда? – с недоверием спросила девушка. Теперь он уже мог сказать наверняка.

– Они недалеко отсюда. Я отошел от остальных, чтобы отдохнуть.

– А ты знаешь, как опасен отдых в краю, где водятся дикие звери, вдали от друзей? – в голосе незнакомки слышались нотки презрения. Кинжал, однако, на мизерное расстояние отделился от его глотки.

– Теперь знаю, – пробормотал Одиссей в ответ. – Если ты оставишь меня в покое и заберешь клинок, то, обещаю, тебя не будут преследовать.

Жизнь стала вдруг ему дорога, как никогда прежде. И, как ни стыдно было признаться, он был даже готов молить ее о пощаде.

– А как я узнаю, что ты не врешь?

– Я сделаю что угодно! – с мольбой в голосе воскликнул юноша. – Я поклянусь всеми богами, что никто не узнает о нашей встрече!

– Что угодно, говоришь?.. – вдруг хватка девушки ослабла. Она отстранилась, однако оружие не опустила. Теперь у нее была относительно двойная вооруженность, и этого, видимо, хватило ей для ощущения собственной безопасности.

Одиссей, приподнявшись на локтях, с опаской повернул сначала голову, а затем и все тело к своей захватчице. Опираясь на руки, он сел на корточки прямо напротив нее. И в ту же секунду все его существо словно пронзили тысячи молний Зевса. Он застыл, пораженный тем созданием, что

видел впервые в своей жизни.

Да, это была действительно девушка, но таким было лишь ее тело. Лик же у нее был скорее, как у богини. За свои немногие года Одиссей никогда не видел таких идеальных черт лица. Брови были такими густыми и темными, и притом аккуратными, что казались вычерчены углем. Глаза, ярко-голубые, большие, сверкали жизненным огнем и были преисполнены силы и мудрости. Тонкий нос с небольшой горбинкой словно только подчеркивал твердость характера, а алые, хотя и неполные губы, придавали всему образу только легкую загадочность. Едва Одиссей их увидел, ему захотелось прикоснуться к ним своими, потому что сама девушка и ее лицо показались юноше чем-то неземным, прекрасным настолько, что только дитя Олимпа было способно выглядеть так.

В ту же секунду он осекся, ведь незнакомка наверняка была смертная, и потому ударила бы без колебаний его одним из своих кинжалов, только юноша предпринял бы попытку потянуться к ней. Его уста открывались и закрывались, он пытался выдать хоть что-то, но слова отказывались отыскиваться в голове и выстраиваться в предложения.

– Посидим? – усмехнулась богиня. Затем она встала в полный рост, и Одиссей невольно последовал ее примеру.

Он оказался слегка выше ее, но ненамного. Для женщины она все еще была достаточно высокой. Особенно длинными казались ее ноги, которые были наполовину обнажены из-

за ее чересчур короткого платья, которое, по-видимому, она сама обрезала для удобства передвижения. Искусная драпировка была всюду нарушена, но отчего-то неопрятность и странность ее наряда не придавала телу худший вид. Она была тонкой, хотя и мускулистой, округлой в нужных местах. Кожа у нее была оливкового, благородного оттенка, а от самой девушки исходил едва уловимый цветочный аромат. Вообще, если не брать во внимание эту легкую небрежность в одежде и растрепанные золотые волосы, которые доходили ей до талии, она казалась происходившей из какой-нибудь царской или зажиточной семьи. От незнакомки веяло благородством, а такое, как известно, ничем скрыть невозможно.

– Кто ты? – только и смог выдавить из себя Одиссей, набравшись смелости. – Нимфа? Дочь царя Дельф? Артемида, вышедшая на охоту в людском обличье?

– О, хотела бы я оказаться хоть одной из тех, кем ты меня назвал! – рассмеялась вдруг девушка. Голубые глаза искренне улыбались, хотя и в них по-прежнему чувствовалось недоверие.

– Но ведь ты из Дельф, верно? Других городов по близости нет. И у моего деда ты не прислуживаешь, иначе я бы точно запомнил...

– Так ты – тот самый внук Автолика, Одиссей? – она нахмурилась.

Юноша лишь кивнул в ответ.

– Из-за тебя все Дельфы были в таком переполохе! Ав-

толик лично приезжал делать распоряжения, а с ним шутки плохи... Но да ладно, раз уж теперь тебе известно мое имя, то пришла пора раскрыть мое. Меня зовут Елена, и я должна была посвятить свою жизнь Дельфийскому Оракулу. Мне оставалось несколько дней до начала служения Аполлону.

– Елена... – прошептал заворуженно Одиссей, продолжая любоваться девушкой. – Но что ты делаешь одна, в лесу? И почему будущая пифия грабит заблудших охотников?

– Потому что пифия⁷, – вдруг едва зародившееся дружелюбие в ее голосе сменилось жесткостью. – Это не я. Я – Елена, и мое имя станет известно не благодаря какой-то службе в храме. Оно станет известно благодаря каким-то более достойным деяниям. Поэтому я и покинула Дельфы, сбежала.

– Но как же так? – непонимающе спросил Одиссей. – Ведь быть жрицей Аполлона, предсказательницей – очень почетно. Наверняка твои родители многое сделали, чтобы раскрыть дар твоего прорицания...

– Мои родители лишили меня нормального детства! – с гневом воскликнула Елена, в глазах которой теперь всюду сверкали настоящие молнии, те самые, что пронзили Одиссея при первом взгляде на нее. – Они попросту растили меня, как скот, предназначенный для цели. Мне никогда не давали возможность самой сделать выбор.

– Но ведь у женщин никогда не было такой возможности, – пожал плечами в ответ юноша, искренне не понимая,

⁷ Пифия – жрица-прорицательница Дельфийского Оракула.

в чем причина ее ярости. – Они либо растут, готовясь к будущему замужеству, либо к службе в храме, как в твоём случае. И, не восприми как оскорбление, но мне кажется, что уж лучше быть жрицей, чем просто чьей-то женой.

– Неужели тебе не встречались те, кто бы хотел стать кем-то большим? – Елена удивленно приподняла одну бровь.

– Нет...

Но едва Одиссей начал собираться с мыслями, чтобы дать должный ответ, его прервал раскат грома. Причем такой сильный, что и девушка, и он сам одновременно вздрогнули. Несколько мгновений спустя мелкими горошинами заморосил дождь. Одиссей поднял голову, и увидел, что все небо было сплошь затянуто темно-серыми облаками, предвестниками долгой непогоды. И куда же делось то испепеляющее солнце, та жара, от которой его так клонило в сон утром?

– Это все из-за меня, из-за меня, – пробормотала Елена, снова сведя брови вместе. – Я разгневала Зевса.

– Почему?

– Потому что я ограбила тебя. Боги всегда карали меня за подобное, именно за грабеж. Когда я, побеждая в схватке, могла кого-то покалечить или даже убить, наказания не было, потому что бой был честным, да и сражалась я за свою жизнь. А ты спал, ты был безоружен...

– Но в дожде нет ничего страшного, – удивился Одиссей ее перемене настроения.

– Да, для тебя. А для меня и моей дальней дороги это

предзнаменование беды. Я должна искупить свою вину. Пойдем, хотя бы я укрою тебя на время дождя и дам хлеба, что у меня осталось в запасе.

Сказать, что юноша был искренне поражен ее внезапной добротой – ничего не сказать. Однако спорить он не стал, и просто последовал за ней в чащу леса. Почему-то Одиссей забыл об остальных охотниках, о том, что его, должно быть, давно потеряли. Предложение Елены, незнакомки, которая его минутами ранее ограбила и угрожала убить, показалось ему очень привлекательным.

По всей видимости, временным пристанищем девушки была небольшая пещера внутри скалы, причем вход в нее сам Одиссей, да и любой другой путник, ни за что бы не смог заметить, если бы ему не показали. В небольшое расстояние между камнями едва ли могло пройти за раз больше одного человека, а еще приходилось делать это на корточках, что было вдвойне неудобно. Однако внутри пещера оказалась достаточно просторной и приятной. Кроме небольших запасов провизии, скромной сумки, по-видимому, с пожитками Елены, в ней еще имелся очаг под небольшим окошком в самом дальнем краю.

– Будь моим гостем, – в голосе Елены снова пропало раздражение. Теперь она была скорее встревожена.

– И долго ты уже здесь обитаешь? – Одиссей ходил по кругу, осматривая причудливые горные породы в пещере. Девушка же в это время подошла к очагу и начала разводить

огонь, подбросив в него несколько сухих веточек.

– Я здесь с сегодняшней ночи, – с тревогой ответила она. – Сбежала вчера перед заходом солнца, пока все старшие были на обряде жертвоприношения. По пути сюда мне встретилось несколько путников... Которые проявили определенный интерес к моему телу. Пришлось заставить их замолчать.

– Ты так легко говоришь о подобном, – Одиссей был поражен ее бесстрастностью и храбростью одновременно. – Я даже боялся отправиться на охоту, а ты уже сражалась и даже убивала людей... И где ты этому успела научиться?

– Они, к сожалению, были не первыми, кто пытался до меня домогаться, – Елена обернулась к юноше, с горечью посмотрев ему в глаза. – Мне повезло, что закон в предыдущие разы был на моей стороне. А защищаться меня научил инстинкт самовыживания. И наблюдения за мальчиками в гимнасиях⁸.

Одиссей даже не нашелся, что ответить на это. Он в миг почувствовал ее боль, но достойного утешения для Елены не мог придумать, у него не было подобного опыта. Поэтому он просто смотрел на ее лицо, освещенное теплым оранжевым светом, исходявшим от небольшого очага, и поражался тому, как красота этого лица раскрывалась для него, какой

⁸ В действительности, возведение Дельфийского гимнасия (в котором греки готовились к спортивным состязаниям) относится к IV веку до н.э. Елена же, согласно предположениям историков, родилась и жила не позднее XII века до н.э.

многогранной он была. И чувство, овладевавшее им, словно цветок, лепесток за лепестком распускалось в его душе.

– Я понимаю, – когда молчание затянулось слишком долго, молвила Елена. – Что все сейчас только в моих руках. Поэтому я совсем не хочу гневить богов. Ты будешь что-нибудь из съестного? Есть хлеб, овечий сыр, немного масла...

– Поверь, если кому еда и понадобится в ближайшее время, так это точно не мне, – прервал ее Одиссей. Его чувство легкого голода однозначно не стоило того, чтобы Елена расставалась со своими небольшими запасами.

– Спасибо, – девушка посмотрела на него с благодарностью. – Правда, я даже не знаю, как и где я буду их пополнять. Поэтому сама растягиваю все, как могу.

– А куда именно ты направляешься, если не секрет? – спросил Одиссей, отведя взгляд на огонь. Ему нелегко это далось, но Елена уже начинала замечать его затянувшееся разглядывание.

– Поклянись всеми богами, что не расскажешь никому.

– Клянусь, – серьезно заявил юноша.

– Я на пути... В Спарту, – выдохнула Елена. – Да-да, я знаю, это звучит просто невероятно. Это закрытый полис, вход и выход только по рождению-смерти, но я очень хочу попытаться туда добраться. Потому что только там у женщины есть шанс прожить более-менее достойную жизнь⁹. У

⁹ В большинстве греческих полисов женщина была ограничена во многих сферах жизни.

меня есть план, как там прижиться, если все-таки смогу по-пасть хотя бы в ее окрестности.

– И какой же он?

– А вот этого я уже сказать не могу, – Елена вздрогнула, будто к ней прикоснулся кто-то невидимый. – Я и так довольно много тебе сболтнула.

Какое-то время они молча сидели, украдкой изучая друг друга, боясь встретиться взглядами.

– А все-таки, почему ты резко решила меня отпустить? – решил спросить терзавший его последний час вопрос Одиссей. – Когда я сказал, что сделаю что угодно?

– Я скажу тебе это, когда будем прощаться. Осталось недолго, дождь уже стихает.

«Нет, только не это! Эта Елена... Она такая Прекрасная! Не хочу, чтобы она уходила никуда... Не хочу, чтобы *ты* уходила!» – воскликнул про себя юноша. Охота, которая казалась прежде для него такой долгожданной, потеряла теперь всякий интерес.

– Не переживай, – усмехнулась девушка, заметив его растерянность. – Если мне все удастся, то, возможно, мы еще успеем встретиться в этой жизни.

– Я не хочу...

– Дождь стих, – Елена подняла руку, прервав его. – У меня нет времени задерживаться более на этом месте. Пошли.

Она решительно встала, и, подняв с пола какую-то тряпку, бросила ее на огонь. Тот в мгновение ока потух, и в пе-

щере стало непривычно темно. Через несколько секунд глаза Одиссея привыкли, и он увидел, как Елена складывает свои пожитки в небольшую тряпочную сумку. Вдруг, закончив, она подошла к нему и взяла его за руку. По телу Одиссея пробежали мурашки, ладонь от удивления расслабилась на мгновение, а затем он лишь сжал ее тонкую ручку в ответ.

– Выходим, – скомандовала Елена, сев на корточки. Выбираться из пещеры, держась за руки, было, конечно, очень неудобно, но Одиссей боялся даже пошевелить пальцем – так сильно ему хотелось не потерять прикосновение Прекрасной.

Наконец, они снова предстали друг перед другом при свете дня. После дождя приятно пахло, и Одиссей на мгновение отвлекся, чтобы набрать в легкие побольше такого воздуха.

– Что же, герой, помнишь о своем обещании? – серьезно спросила Елена, пронзительно посмотрев на него. Руку она все еще не выпускала из своей. – Что угодно, правильно? И боги это услышали.

– Услышали, – с опаской подтвердил Одиссей. По его спине теперь пробежал холодок. Он не понимал, к чему ведет Елена.

– А еще я хочу, чтобы они услышали мои просьбы. И они это сделают, если я принесу им жертву.

– Жертву? – нахмурился Одиссей. – Меня, что ли?!

– Нет, что ты... Будет достаточно капли твоей крови, пролитой ровно на этом месте. На этом камне я до нашей встре-

чи стояла и молила их о благополучной дороге. А как известно, кровь героя...

– Я не буду проливать свою кровь! – решительно замотал головой Одиссей, выпустив ее руку от злости. – Ты меня и так чуть не убила часом ранее.

– Но ведь я не убила! – Елена начала злиться. – Ладно, раз ты такой герой, что не держишь свое слово....

– Да ты ненормальная! – вскричал пораженный юноша.

Однако, едва он успел закончить фразу, девушка неожиданно перешла в нападение. Движения Елены слились в одно – такой быстрой была ее атака. Перед тем, как он потерял сознание, Одиссей ощутил резкую боль в районе правого колена. В секунду в сознании его промелькнула мысль, что это, должно быть, кинжал девушки пронзил эту часть ноги. Лица Елены он уже не видел, но догадывался, что оно было ликующим.

Нашли его уже спустя какое-то время охотники во главе с Дионисием. Когда Одиссей очнулся, то почувствовал, что вся правая нога была словно охвачена огнем – такой глубокой была рана.

– Это что же, ты уже встретился с вепрем¹⁰? – воскликнул один из охотников, увидев ужасный порез, из которого все еще вытекала кровь.

Одиссей подумал, что разумнее было бы не рассказывать

¹⁰ Считалось, что Одиссей был ранен вепрем на охоте со своими дядями вблизи Парнаса, и рубец у него остался на всю жизнь.

о девушке, а поддержать догадку охотника, поэтому лишь кивнул в ответ.

– Повезло, что остался жив! – воскликнул встревоженный Дионисий, моментально протрезвевший. – Нужно срочно отправляться обратно, к Автолику. Успеем добраться до заката.

Юноша не стал возражать. Елена, должно быть, уже несколько часов как пробиралась сквозь чащу леса в направлении к своей заветной Спарте. И она ранила его. Не только в ногу, но и в сердце. Ему не хотелось более веселиться и охотиться. Он желал, чтобы его оставили на какое-то время в покое. Как и любому молодому человеку, испытавшему первое любовное разочарование, ему нужно было теперь одиночество.

И продлилось оно долгие десять лет.

Прекрасная дочь

В эти годы Одиссей еще больше погрузился в себя. Если и прежде он не особенно интересовался развлечениями, свойственными молодым людям, то теперь ему и вовсе стали скучны пиры и гуляния с ровесниками. После возвращения с Парнаса, от Ларэта юноша получил царскую власть в день своего шестнадцатилетия, и с того момента оковы ответственности прочно заключили его разум в чугунные объятия. Он чувствовал, что в Итаке слишком многие проблемы требуют разрешения, а времени в сутках, к сожалению, было недостаточно, чтобы Одиссей позволил себе отдыхать иначе, как во сне.

Отец никогда не был особенно примером для него как человек и как царь. Как человек он слишком сильно любил праздность, а как царь слишком многое прощал людям. А потому свой образ как правителя Одиссей решил создать, опираясь на других мудрецов, с которыми ему еще только предстояло встретиться. С кем-то за эти годы он уже успел повидаться, с кем-то встреча только маячила в будущем из-за дальности полиса.

С юбилея в Итаке гостил его дед, чьему приезду Одиссей был очень рад. Старику, судя по состоянию его здоровья, оставалось совсем немного, и поэтому юноша хотел перенять

от него столько житейской мудрости, сколько возможно. Они часто беседовали вечерами за ужином и чашей вина – теми недолгими часами покоя, когда Одиссей мог позволить себе хоть немного расслабиться.

– И что же, сколько полисов ты *не успел* посетить за эти годы? – усмехнулся Автолик, потянувшись за очередным куском кабанины со стола.

На ужин Одиссей довольно часто просил слуг готовить именно вепря в знак воспоминания о той самой охоте. Иногда царь сам ездил за дичью, когда на то было время и силы. За эти годы Одиссей, конечно, возмужал, научился хорошему владению оружием, и теперь славился как один из самых храбрых и удачливых охотников в округе.

– Из крупных, – улыбнулся в ответ царь, призадумавшись. – Пожалуй, только в Спарте все еще ждут моего визита. Однако скорее мы с кем-то оттуда встретимся на поле боя, нежели чем я приеду туда в мирные времена. Ты же знаешь, этот полис совершенно закрыт для посторонних.

– Разумеется, – кивнул Автолик. – Но, доверься моему возрасту и опыту, ты сможешь увидеть спартанцев до войны.

– Какой войны? – с тревогой спросил его внук. – Я ни о каких нападениях в Элладе¹¹ не слышал.

– А их пока и не было. Я говорю о войне, что случится через несколько лет¹². Мне о ней поведали пифии в храме

¹¹ Самоназвание Древней Греции.

¹² Здесь имеется ввиду Троянская война.

Дельф. Ты же помнишь об оракуле при храме у южного склона Парнас?

При слове «пифия» Одиссея передернуло. Воспоминания о девушке, что он встретил на охоте, которая оставила ему до сих пор не затянувшийся шрам, ярким потоком нахлынули на него. Ее девичья, не до конца раскрывшаяся красота, дерзость и храбрость духа, ее вызов всему миру – побег, протест этому обществу – вдруг снова взбудоражили все его существо. Не сказать, что все это время он не вспоминал Елену, нет. Скорее, весь ее образ как бы померк, приглушился в сознании в связи с навалившимися обязанностями и ответственностью. Сейчас же, в моменты недолгого забвения, они вызвали в нем былые терзания, горечь и в то же время придали вновь придали остроту его покрывшейся пылью однообразия жизни.

Он любил ее, он полюбил ее за тот час, что они провели вместе. Необъяснимо, но Елена до сих пор манила его, хотя и встретить девушку, Одиссей понимал, было уже маловероятно.

«Но она же говорила, что, возможно, мы встретимся, если ее план удастся, – смутно вспомнилось ему. – А если он все-таки удался? Где она сейчас, в своем полисе мечты? И как выглядит? Подурнела ли, похорошела? Вышла замуж, родила детей? А вдруг... Нет, это невысказано... Вдруг она мертва?».

Мысли захлестнули его настолько, что он забыл ответить

деду.

– Должно быть, забыл, как там на Парнасе все, – покачал головой Автолик. – Эх, десять лет прошло как-никак, да и твоя травма наверняка заставила тебя забыть о виде той горы и Дельф... В общем, я был до своего отъезда в этом храме. И жрицы поведали мне, что скоро грядет война, о которой будут слагать песни. Война, которой мир вообще никогда не видывал. Ее масштабы будут настолько колоссальны, что это наши жизни разделятся на «до» и «после».

Одиссей недоверчиво посмотрел на деда.

– Но что же может послужить причиной такого конфликта?

– Безумие, этой причиной станет банальная человеческая слабость. Любовь, мой дорогой друг. Такая любовь, ради которой стоит убивать. Самая настоящая страсть.

– Такая любовь бывает? – лукаво спросил Одиссей. Он сам испытывал к той мимолетной встрече, к той едва ли знакомой девушке, ее образу, именно это чувство.

– Конечно, – кивнул Автолик, прочитав в глазах внука притворство и в очередной раз усмехнулся. – Хотя твои родители не испытывали друг к другу ее, она есть. Я любил своих жену и дочь именно так. Жена любила меня в ответ не меньше, а дочь росла умной и благодарной. Быть может, именно за это наше недолгое семейное счастье, за жизнь без злости и зависти к другим, за *слишком сильную любовь*, боги и покарали нас всех. Красавица Дайона умерла от той же

болезни, что и потом моя милая любимица, твоя мать Антикляя. Болезнь легких, так о ней говорили лекари. Чахли, чахли на глазах, и ни я, ни эти ученые мужи ничего не могли сделать...

– И ты считаешь, что за такую любовь обязательно следует кара?

– Кара вроде моей – нет. Но за такое сильное чувство все равно придется что-то взамен богам. Просто так подобный дар не дается смертным.

Одиссей в ответ лишь промолчал, в душе не зная, соглашаться ли со стариком. Он не знал, хотел ли чем-то жертвовать, чтобы испытывать такое. Несомненно, как царь, он хотел иметь продолжение рода, детей и верную жену, которые давали бы ему ощущение домашнего уюта, тепла. Но в то же время Одиссей понимал, что в первую очередь он всегда будет *царем Итаки*, а не мужем или отцом. Все в этой жизни невозможно было успеть.

«И все же ты поддашься соблазну, если увидишь ее» – вдруг прошептало что-то в глубине его сознания. Тихо, но настойчиво.

«Забудь, забудь! Если тебе и случится в ближайшее время искать себе жену, то это случится скорее из политических соображений» – возразил глас рассудка не менее твердо. И Одиссей, услышав его, успокоился и, глотнув прекрасного скорусского¹³ вина из своей чаши, продолжал внимать сло-

¹³ Вина Скоруса считались самыми знаменитыми в Древней Греции.

вам Автолика.

– Когда я говорил тебе про свой возраст и опыт, то имел ввиду, что даже в такие закрытые полисы, как Спарта, иногда возможен вход для чужаков. И, более того, в некоторых случаях чужак уводит из этого полиса кого-то навсегда. Догадываешься, о чем я?

Одиссей покачал головой, искренне не понимая, о чем говорил ему дед.

– Я про женитьбу! Ну неужели ты думаешь, что дочери спартанских царей будут выходить замуж за кого попало? Особенно в те времена, когда им это выгодно, спартанцы бывают очень дружелюбны и гостеприимны.

– Неужели в Спарте появилась невеста на выданье?

– Еще какая, – вдруг послышался голос за спиной Одиссея.

Это был его отец, Лаэрт. В последнее время он только и занимался тем, что странствовал по полисам с сыном или в одиночестве, ходил по родному полису и собирал различные слухи. С одной стороны, деятельность бывшего царя Итаки не вызывала особенного уважения, с другой, имела определенную пользу.

– Лаэрт, прошу, мы как раз начали трапезу, – Автолик указал на место подле себя, хотя и скривил при этом губы. Зятя он по-прежнему недолюбливал.

– Спасибо, но выпить я предпочту в компании более скучной для вас, – Лаэрт имел ввиду своих приятелей-пьяниц с

подобных ему знатных родов.

– Так что же ты тогда пришел, раз с нами тебе чересчур весело? – с недовольством спросил его Автолик. Он поднял чашу с вином и громко отпил из нее, причмокнув губами, словно стараясь каждым своим действием выразить неприязнь к отцу Одиссея.

– Не беспокойтесь, отец, я ненадолго, – с улыбкой поднял руку, как бы успокаивая старика, Лаэрт. – Быстро и по делу. Только что до меня дошли слухи о красоте той самой невесты, что на днях была провозглашена в Спарте. Девушка, как поговаривают местные, просто неотразима. Высокая, тонкая, но женственная... Пропорции Афродиты, как сказывают видевшие ее. Лицо – ангельское, о таких слагают песни. Глаза – что драгоценные камни...

– Да-да, знаем, – пробурчал лишь Автолик. – Волосы длинные и струятся как реки и так далее. Неужели ты такой дурак, что веришь в это? На своем веку я слыхивал про десятки таких невест, и что же? Красавицами из них от силы оказывались двое-трое. Остальные либо плоские как корабельные доски, либо полные и обрюзгшие, как Дионис в женском обличи.

– Нет, – помотал головой Лаэрт. – Этот случай другой, я точно знаю. Поверьте, тот огонек, что загорался в глазах тех мужчин, что говорили о ней, никак нельзя подделать. В любом случае, сын мой, я предлагаю тебе съездить и посмотреть на эту красавицу. А не получится добиться ее руки –

поискать кого-то в округе. Тебе уже двадцать шестой год, возраст немалый для наших краев, надо бы уже и думать о потомстве.

– Вот здесь я соглашусь, – одобрил слова зятя Автолик. – Особенно учитывая то предсказание о войне. Знаешь, на всякий случай я бы советовал тебе родить своего наследника до нее. Вернешься ты с нее или нет, большой вопрос. А будущее Итаки – твоя ответственность.

– От слова «ответственность» меня уже начинает подташнивать, – допил одним глотком свое вино Одиссей. – Что же, в таком случае, я отправлюсь в путь без промедлений. Не хочу упустить случая побывать в Спарте. А если сильно повезет, то еще и вернусь оттуда с невестой.

Отец и дед с облегчением вздохнули. По всей видимости, их уже действительно заботило затянувшееся одиночество Одиссея.

– Что же, в таком случае, доброй дороги, сын, – сказал Лаэрт, после чего, попрощавшись с сидевшими на ложах, удалился из андрона¹⁴.

Не видя причины откладывать сборы, царь Итаки сразу же после его ухода приказал рабам начать готовить провизию и вещи, чтобы выехать уже на следующее утро. Он был человеком своего слова и идеи, а потому поездка в Спарту теперь стала для него очередной целью, которую нужно было

¹⁴ Андрон – мужская часть дома в Древней Греции. Здесь обычно принимались гости и устраивались пиры.

достигнуть.

Одиссею очень тревожно спалось в ту ночь, несмотря на выпитое вино, которое его обычно расслабляло. Отчего-то он надеялся, что той самой невестой окажется именно Елена.

«Я же даже не спросил, как зовут ту дочь спартанского царя. Побоялся ли услышать заветное имя? О, боги, я мысленно веду себя как юнец, как тот самый пятнадцатилетний мальчишка, который безответно влюбился в ее образ!..». Мысли, подобные этой, преследовали его в течение всей ночи. Одиссей пытался бороться с ними, но то было безуспешно: каждый час или два они брали верх над ним, заставляя проснуться.

Сама же дорога до Спарты, как ни странно, прошла относительно спокойно. Несколько дней Одиссей провел в седле, и это в совокупности с периодическими остановками, охотой и прогулками отвлекало его. Сон и силы вернулись к нему, как и к любому молодому здоровому человеку, который сменил умственную активность на физическую. Подъезжая к самому неприступному полису, он чувствовал себя вполне готовым побороться за сердце красавицы.

Ворота Спарты охранялись одним видимым стражем, остальные же, как догадывался Одиссей, наверняка прятались в специальных отсеках белокаменной стены, окружавшей город. Спартанец, лицо которого было спрятано под коринфским шлемом¹⁵ с красным гребнем на ней, был облачен

¹⁵ Тип греческого шлема, полностью закрытый с конским гребнем на нем.

в хитон¹⁶ с защитными панцирями, похожие на те, что были у солдат в Итаке. Единственным отличием был багровый плащ, который, как сказывали в народе, спартанцы носили для того, чтобы, в случае ранения во время боя, противник не догадался, где именно у воина теперь было слабое место.

– Кто прибыл к Спартанским воротам? – громко спросил страж, слегка повертев копьё в своей правой руке. В левой, только сейчас обратил внимание Одиссей, у него был не просто щит, а щит с гравировкой Цербера под большой буквой «Л»¹⁷. Морда пса из подземного царства так ужасающе выглядела, что, должно быть, очень многие противники в бою могли отвлечься на нее или даже сплеховать.

– Одиссей, царь Итаки, – с вызовом ответил мужчина. Он снял свой шлем, и, достав свой меч из ножен, бросил оба предмета на сухую, потрескавшуюся от невыносимой жары, землю.

– Ты пришел с миром, Одиссей, царь Итаки?

– Я пришел с миром и с намерением увидеть ту самую невесту, о которой сейчас говорит вся Эллада.

Тут на лице стража появилась широкая ухмылка.

– Что же, тогда ты и твои войны, – острием копья он указал на десятерых сподвижников Одиссея. – Будут гостями здесь. Однако ты не один приехал сюда с такой целью. Два-

¹⁶ Вид нижней одежды.

¹⁷ «Л» означало Лакедемон, т.е. Спарта.

дцать¹⁸ смелейших мужей со всей страны уже несколько дней пребывают в Спарте, надеясь на успех.

Одиссей оторопел. Так много? Да ведь он даже не привез с собой никаких богатых даров, чтобы хоть как-то отличиться от своих соперников.

«Может, еще не поздно развернуться и уехать? – подумал Одиссей про себя. – С другой стороны, что я, трус ли какой? Это же даже не поле боя, а я и с него ни разу не бежал».

– Я готов состязаться с ними за руку этой прекрасной женщины.

– Прекрасной, это верно сказано! – воскликнул страж. – Ее так и прозвали в Спарте, Елена Прекрасная!..

– Не может быть, не может быть! – пробормотал себе под нос Одиссей. – Она не может... Она не была царской дочерью!

– Так что же, вы входите в город? Если да, то все оружие придется сдать до тех пор, пока ты и твои товарищи его не покинете.

– А? – Одиссей, подняв вновь глаза на стража, словно очнулся. – Да-да, конечно.

Приказав своим людям сдать оружие на входе, царь повел их вперед. Он был настороже, хотя и понимал, что любая внезапная спартанская атака сулила для них гибель. Но делать было нечего, в такие моменты Одиссей обычно пола-

¹⁸ Различные источники приводят от 12 до 37 имен женихов Елены Прекрасной.

гался на порядочность того или иного полиса. А Спарта славилась как раз-таки довольно жесткими правилами, устоями и честностью своих граждан.

Войдя в город, Одиссей был поражен его невозможной идеальностью. И нет, дело было не в самих постройках или планировке. Дело было в самом образе, который исходил от самых маленьких деталей, частиц улиц и домов. Дело было в людях, в их поведении и виде. Все жители полиса, что встретились ему, пока он в сопровождении своих сподвижников и стражей направлялся к царскому дому, выглядели совершенно спокойными, сосредоточенными и в то же время достаточно улыбчивыми, добродушными по отношению друг к другу. На Одиссея и его товарищей они, конечно, смотрели с подозрением, но это было совершенно естественно для горожан закрытого полиса.

Мужчины чаще всего беседовали друг с другом, но некоторые из них и прогуливались и весело смеялись со своими женщинами, что было бы совершенно неуместным в других полисах. Женщины и девушки эти, кстати, были сложены достаточно атлетично. Ни одна из них не была толстухой, тощей или слабой, все выглядели так, что в нужную минуту могли бы взять запасной меч своего мужа и прикрыть ему спину.

– Какие они загорелые! – воскликнул Дионисий, тот самый знакомый пожилой охотник, которого Одиссей захотел взять с собой в это путешествие.

– Не говори! – ответил юный кузен Одиссея, Клеон. – В Итаке все девочки по сравнению с ними – бледные поганки!

Царь хотел осадить своего двоюродного брата, но не смог. Девушки и женщины здесь действительно выглядели куда более здоровыми, живыми, чем астеничные и полу-болезненные жительницы Итаки.

Продвигаясь дальше, они продолжали восторгаться местными жителями, и не могли не заметить, теперь уже к уязвлению своего достоинства, что большая часть мужчин в Спарте была намного крупнее и мускулистее их самих. В их полуобнаженных телах, казалось, совершенно не было места для жира, какой-то мягкости; они все словно состояли из силы, которая так и рвалась наружу.

– А какие улицы у них чистые! – указал один из бывших в отряде Дионисия охотник на каменные помосты, по которым они шагали. Это он решил отвлечь внимание остальных от спартанцев, потому как после сотого юноши, который был выше и притом тоньше их самих, им уже становилось явно не по себе.

– Чистые-чистые, – отозвался слегка грубо Одиссей.

Ему было завидно, что в Итаке, несмотря на все его старания, о подобном порядке нельзя было и мечтать. Люди в ней все равно относились к полису как к помойке, всюду выливали отходы, бросали мусор, да и вели себя совершенно неподобающе на улицах. Он сделал себе мысленную пометку о том, что нужно было бы спросить совета у спартанских

царей, как они пришли к такой жизни и как смогли заставить простых граждан ее поддерживать.

– Мы уже подошли к царскому жилищу, – оповестил путешественников страж, указав на довольно небольшой дом, окруженный примерно таких же размеров садом, состоявшем в основном из аккуратно подстриженных кустов и деревьев.

Ни за что бы Одиссей не подумал, что такой дом мог принадлежать царской семье. Присмотревшись, из предметов роскоши в нем он увидел лишь небольшой позолоченный фонтанчик, видневшийся сквозь входную арку. Возле него сидели какие-то девушки и весело смеялись. Лиц их Одиссей не видел, но заметил загорелую стройную ножку, такую же, как у всех спартанок.

Дом скорее походил на жилище какого-то зажиточного торговца, и то, довольно-таки аскетичного. Сам же царь Итаки вырос в куда более просторном жилище, в которое его отец то и дело вносил какие-то изменения. Постоянно к ним приезжали торговцы предметами роскоши, ремесленники, которые выкладывали всюду чудесные картинки из мозаики; нередко посещали дом Лаэрта и архитекторы, привносящие в само строение все большие отгиски помпезности. Поэтому молодой царь вместе со своими товарищами негласно удивился такой скромности Тиндарея.

– О, а вот и Леда, верная жена одного из наших царей! – заметив выходящую из арки женщину в белых одеяниях,

воскликнул другой страж. Одиссей хотел было задать вопрос, почему царь был «один из», а затем вспомнил, что по спартанскому обычаю, царей было двое.

– Неужели нас будет встречать женщина? – тихо спросил Дионисий у Одиссея. В голосе его звучало пренебрежение. – И Тиндарей не удостоит вниманием самого царя Итаки?

– Я думаю, удостоит, – осадил его Одиссей голосом, не допускающим дальнейших комментариев. – Просто в этом полисе женщины царской семьи имеют высшее положение, чем во всех тех, где мы были ранее.

Леда неспешно шла по каменной дорожке, ведущей к невысокому каменному ограждению, такому же белоснежному, как и все остальные городские ворота. На ней был надет пеплос¹⁹ цвета слоновой кости, теперь Одиссей смог различить это отчетливо. Платье было длинным, достигающим до пола, но при том совершенно не портило фигуру женщины. Искусная драпировка придавала ее образу некую утонченность, что в сочетании со взглядом и остальным образом Леды делало ее принадлежавшей к высшему спартанскому обществу.

На вид царице было не больше сорока лет, и, хотя на ее лице не было уже той юношеской прелести созревающего плода, оно лучилось совершенно другой привлекательностью: красотой уверенности и мудрости, красотой прожитых в гармонии движения и отдыха лет. Выступающие аскетич-

¹⁹ Пеплос – женская верхняя одежда из легкой ткани.

ные скулы, подтянутый овал лица, тонкая шея и достаточно жилистые, но сильные руки свидетельствовали о том, что эта женщина, как минимум, немало занималась гимнастикой. Для царских кровей в других городах подобное, конечно, было совсем редкостью.

Волосы были у Леды золотистые, густые. Они были искусно перевязаны темными лентами, и прическа смотрелась под стать ее величественному образу.

– Здравствуйте, царь Итаки! Мои разведчики оповестили о Вашем приезде нас с мужем еще день назад, так что мы уже приготовили для Вас и Ваших людей место для ночлега.

Одиссей смутился. Никогда ранее его не встречали подобным образом, обычно его визит был либо заранее согласованным, либо неожиданным.

– Да, спартанцы не зря имеют свою репутацию как лучшие военные, – решил обратить свое недоумение в шутку царь Итаки. – И ведь мы даже подумать не могли, что за нами кто-то следил!

– Не переживайте, все это было лишь мерой предосторожности. Проходите же за ограду, – приветливо улыбнулась Леда, жестом указывая на дом. Улыбка моментально омолодила ее лет на десять, и она стала казаться юной, словно сама была невестой на выданье.

– Спасибо, Итака ценит такое гостеприимство, – учтиво ответил Одиссей и одобрительно кивнул своим людям.

Перед тем, как зайти за ворота, он обернулся к своим двум

стражникам, которые должны были в оба глядеть всю дорожку, и бросил им угрожающий взгляд: «Еще раз провороните чужеземных шпионов, лишитесь своего места!».

– Какой чудный сад! – не смог сдержать очередной возглас Клеон. – Правда, чудный?!

Мальчику едва исполнилось четырнадцать лет, и эмоции пока скорее управляли им, чем он ими. А сад был и впрямь у царской четы красив и ухожен. Камни закрывали весь вид прелестных невысоких кустов самых разных цветов. Прямо за домом располагалась небольшая аллея аккуратно подстриженных оливковых деревьев, ведущая к еще одному входу, по-видимому, к тому, за которым располагался фонтанчик.

– Да, у них даже цветы невозможно идеальные, – покачал головой Дионисий.

Одиссей, заходя в царский дом, лишь подумал, что за такой идеальностью должна скрываться или нешуточная муштра, или нешуточная гражданская совесть. А может, в этом полисе было и то, и другое.

Внутри дом был устроен со вкусом, но так же скромно, как и снаружи. В отделке преобладали темно-красные тона, за исключением двора, в котором и фонтан, и вся плитка вокруг него были белоснежными. Пол там был выложен мозаикой с изображением Зевса-громовержца и лебедя. Что делало изображение лебедя рядом с ликом бога, никто из путников не догадался. Возле фонтана сидели две девушки спи-

ной к входившим, и громко и заразительно смеялись. Смех их был легким и звонким, чистым, как вода, струившая из чаши возле них.

– Мама, кто там? Новые гости? – та из них, что была по-ниже, обернулась к вошедшим.

На ее устах все еще была задорная улыбка. Девочка, видно, только-только расцвела, лицо было по-детски милым. Тонкие темные брови, зеленые, кротко смотрящие глаза, пушистые и черные как уголь волосы, струившиеся ниже плеч... Дитя обещало превратиться в одну из первых красавиц Эллады через несколько лет.

«Нет! Она слишком мала! Я ни за что не позволю себе!...» – начал было возмущаться про себя Одиссей.

– Да, Тимандра, причем не просто гости, – повысила голос Леда. – Подойдите вместе с Еленой сюда, я представлю вас друг другу.

Царь Итаки выдохнул с облегчением, поняв, что младшую девочку никто и не собирался выдавать замуж. Однако в следующее мгновение он снова ощутил, как дышать стало тяжело.

Когда *она* обернулась, малейшие сомнения были отброшены. Это была та самая Елена, только еще красивее, чем прежде. Теперь это была молодая женщина, изящнее которой никто, пожалуй, из живущих тогда греков не видывал. Грациозной походной она вместе с сестрой направилась к прибывшим, приковав к себе взгляды каждого из них. Те же

безупречные черты лица, то же сильное, пропорциональное до нельзя тело. В ней, казалось, не было ни единого изъяна, кроме, быть может, этой невозможной энергетики женственности, не исходившей ни от кого настолько сильно.

– Прекрасна... Она просто Прекрасная, – прошептал Клеон заворожено.

Одиссей же не знал, как реагировать. От удивления он раскрыл рот, и это было на те секунды пределом его возможностей.

«Но как, как?! Ведь когда мы познакомились, ты уже была девушкой! И ты была родом из Дельф! Неужели ты меня обманула еще тогда? Если да, то ты самая жестокая, отвратительно жестокая!..» – Одиссей смотрел ей в глаза, мысленно выговаривая свое возмущение.

В ответ он лишь получил слабую улыбку, слегка сдвинутые брови, и укоризненный взгляд: «Позже, не сейчас».

– Позволь представить тебе, Елена, и тебе, Тимандра, – торжественно подвела гостя к своим дочерям Леда. – Одиссея, царя Итаки.

– Твоего очередного жениха, – прошептала громко Тимандра, и мать с сестрой укоризненно посмотрели на нее. Тимандра смутилась, опустив глаза на пол.

– А это Елена и моя младшая дочь Тимандра. Единоутробная сестра Елены сейчас с их отцом в отъезде, какие-то очередные проблемы с илотскими²⁰ наделами... В общем, с ни-

²⁰ Илоты – спартанские земледельцы, занимавшие промежуточное положение

ми вы успеете увидеться позднее, на пиру. Также как и с моими сыновьями, Кастором и Поллуксом.

– Очень приятно с вами познакомиться, Одиссей, – вдруг Елена протянула свою тонкую руку для пожатия. Мужчина оторопел от такого жеста, ведь он никогда прежде не жал женщине руку.

– Чего же ты медлишь? – пробормотал за его спиной Дионисий.

Одиссея отрезвили эти слова, и он ответил на рукопожатие, осторожно обхватив Елену за запястье²¹. Ее же пальцы, напротив, сжали его руку слишком сильно. На секунду их взгляды снова встретились, и в глазах молодой женщины блеснул огонек, тот самый, заморозивший его несколько лет назад. Елена слегка улыбнулась, причем сделала это так, что никто, кроме Одиссея, не догадался бы, что могла значить эта улыбка.

– Что здесь происходит?! – вдруг чей-то возглас оборвал их невидимый и никому непонятный диалог душ.

В мгновение ока оба опустили свои руки, и все, стоявшие во дворе, обернулись к вошедшему через центральный вход мужчине. Идущий быстрым шагом, он возглавлял небольшую процессию из семи человек. Сам он выглядел, пожалуй, как и любой другой спартанец лет сорока: поджарый, среднего роста, одетый небогато, но со вкусом, отличавшего его от

между крепостными и рабами.

²¹ Считается, что в Спарте было принято пожимать руку за запястье.

простолюдина соседних полисов. Однако Одиссей догадался, что это наверняка был один из царей Спарты, тот самый Тиндарей. Его выдавали глубокие морщины на лбу и седые волосы на курчавой голове и в бороде. Такие вещи Одиссей про себя называл «приметами мыслей», и они были особенно редки среди обыкновенных солдат.

За ним энергично следовали два молодых человека лет двадцати, близнецы, которые один-в-один выглядели как Леда, только в мужском обличье. Стройные, высокие для спартанцев, с золотыми волосами, ровными чертами лица, облаченные в походные красные одеяния, это были, по всей видимости, Кастор и Поллукс, как догадались Одиссей и его путники.

– Я спрашиваю еще раз, – сурово продолжил царь Спарты. – Что здесь происходит? Кто тебе дозволил пожимать руку мужчине, Елена?

– Я... – девушка вдруг в мгновение ока смутилась и опустила глаза вниз. – Отец, это была всего лишь шутка.

– Это – один из твоих приехавших женихов? – нахмурившись, Тиндарей окинул строгим взглядом Одиссея. – Если да, то это должно быть особенно оскорбительно для него, он наверняка царь какого-нибудь...

– Итаки, – добавил Одиссей, понимая, что теперь смягчить царский гнев было только в его силах. – И ничего страшного в рукопожатии между мужчиной и женщиной в понимании моего народа нет.

Он солгал, но все его спутники решили промолчать.

«Молчите, а не то попадете у меня на солдатскую пожизненную службу!» – пригрозил неизвестно кому про себя Одиссей. Разумеется, на Итаке женщине не позволялось подобным образом здороваться с мужчиной. Более того, ей даже не разрешалось приходить на половину мужа без приглашения.

– Правда? – с недоверием спросил Тиндарей.

Одиссей вместе с спутниками единодушно закивали.

– В таком случае, так и быть, прощаю, – Тиндарей слегка расслабился. – Но еще раз, Елена, ты позволишь себе подобное поведение... Ступай в свои покои вместе с матерью и сестрой. Увидимся на вечернем пиру.

– Слушаюсь, отец, – в голосе Елены звучал неподдельный страх. Она не решалась поднять более взгляд. – Пойдемте, мама, Тимандра.

«Она его действительно боится!» – удивился про себя Одиссей, наблюдая за удаляющимися вглубь дома тремя женщинами.

– Шутка, шутка, – пробормотал Тиндарей угрюмо. – Ты уж извини, как тебя?..

– Одиссей.

– Одиссей, царь Итаки. Наслышан я о тебе! Что молод, красив, богат, – Тиндарей слегка оскалился, пытаясь выдавить из себя улыбку. – И так далее... Но представь себе, я возвращаюсь со своими сыновьями чуть раньше обещанно-

го, специально, чтобы тебя встретить, и тут сюрприз: моя женошка взяла твой прием на себя. А еще и дочка шутки шутит!.. Ладно, им мы это простим, не их вина, что Афродита наделила всех красавиц легкомыслием.

Тут Тиндарей уже добродушно улыбнулся. Видимо, царь был очень отходчив.

– В общем, рад тебя видеть, Одиссей. Слухи о твоей мудрости как правителя дошли и до нас, верно? – он вопросительно посмотрел на своих советников и сыновей. Те одобритительно закивали.

Одиссей растерялся. Он не знал, как стоило ответить на такое спартанскому царю.

– Я так понимаю, ты приехал как жених Елены? – продолжил Тиндарей.

– Именно. Вам сказывали о моей мудрости, а мне сказывали о ее красоте.

– И, как ты сам убедился, неспроста, – хмыкнул спартанский царь. – Но будь готов к тому, что за такую красоту придется побороться!..

– Вы что же, устройте какие-то испытания? – Одиссею не очень-то нравилась идея настоящих схваток или чего-либо смертельно опасного.

– О, нет! Самым главным испытанием, пожалуй, будет воля сердца Елены, – вздохнул Тиндарей. – Сегодня был крайний день, когда мы принимали женихов. После вечернего пира, на котором вы соберетесь все вместе, я сделаю выбор, за

кого выдать ее замуж.

– Так выбирать будете Вы или Елена? – запутался Одиссей.

– Отдавать замуж буду ее я. А любить или не любить своего мужа будет Елена.

– И как же вы намерены делать выбор?

– Я тебе скажу так, – положил вдруг Одиссею руку на плечо Тиндарей. – Выбор я уже сделал. Из всех претендентов на ее руку, ты мне кажешься самым достойным. Мы еще, конечно, узнаем друг друга получше, но в общем и в целом... Да, ты пока – лучшая партия для Елена по многим соображениям.

У Одиссея перехватило дыхание. Что же такое сказывали в народе о нем, что даже сам спартанский царь без всяких расспросов захотел отдать ему в жены свою Прекрасную дочь? И неужели он мог воспользоваться этой благосклонностью к себе, чтобы потворствовать принудительной выдаче замуж Елены? Это было слишком соблазнительно, но в то же время противоречило всем его принципам.

– Мне льстит Ваш выбор, царь, – нахмурившись, ответил Одиссей. – Но я не могу не отказаться от этого права по зову чести. Может, Елена все-таки сама сделает выбор? Я уверен, среди кандидатов найдется много не менее богатых и знатных.

– Ты говоришь «зов чести», – покачал головой Тиндарей. – А потом «богатство и знатность». Это разные вещи.

Большая часть ее женихов – дураки, которым повезло родиться в царских семьях. Я не хочу доверять им свою дочь.

– Но ведь Елена – далеко не глупая девушка, – возразил царь Итаки. – Она сможет оценить по достоинству каждого, я уверен.

– Откуда тебе известно об ее уме? Вы не могли встречаться ранее, разве что...

Одиссей прикусил язык, поняв, что едва не сболтнул лишнего. Однако Тиндарей сам же и спас его положение.

– Разве что ты мог видеть ее девочкой, до того, как она пришла к нам.

– Елена не росла в вашем доме? Как же она может быть тогда Вашей дочерью? – Одиссей спросил с наигранным удивлением. На самом же деле, он понимал, что секрет «царской дочери» вот-вот для него раскроется.

– Пойдем, я кое-что покажу тебе. Остальные, вы можете быть свободны, – махнул он рукой сыновьям и советникам.

Тиндарей направился к фонтанчику в центре двора, тому самому, возле которого сидели недавно его дочери. Одиссей последовал за ним. Не доходя до фонтана, Тинадрей остановился и указал на мозаику, изображавшую Зевса и лебедя.

– Этот лебедь, – царь опустился на одно колено и провел рукой по разноцветным камням. – Был нашим благословением. В день зачатия Кастора и Поллукса, Леда купалась в озере. Это было до того, как я посетил ее покои. И, пока юная дева плавала, Зевс заметил ее с Олимпа...

– И обратился в лебедя? – догадался Одиссей, стараясь не выдавать в своем голосе скептицизм. Любая полумифическая история о неверной жене начиналась с подобного: громовержец, пленный ее красотой, превращался в животное и соблазнял невинную.

– Да, именно так, – совершенно серьезно ответил Тиндарей. – Он овладел Ледой, однако в ту же ночь и мы с ней предались любви. Поэтому, спустя девять месяцев, у моей жены родилось четверо детей, двое из которых она скрыла от меня. А скрыла потому, что те двое появились в яйце²², которое от страха несчастная решила сбросить со скалы, боясь моего гнева. Леда думала, что яйцо разбилось, и любая возможная жизнь в нем погибла. И поэтому долгие годы заботилась только о близнецах, Касторе и Поллуксе.

Однако дочери наши вылупились из яйца, и их, малюток, подобрали какие-то пастухи. Долгое время, почти шестнадцать лет, они росли приемышами, до тех пор, пока им не открыли истину. Девочки, Елена и Клитемнестра, решили найти своих родителей, и храбро отправились в путь. Они нашли нас и поведали чудесную историю своего появления на свет, а Леда лишь подтвердила их слова. Собственно, с тех самых пор они и живут с нами, то есть, почти десять лет.

Одиссей тяжело вздохнул. Елена действительно оказалась

²² Миф о вылупившихся из яйца детей Леды существует на самом деле, однако автор немного его переиначил, как и саму историю человечества до Троянской войны.

самой хитрой и умной из живущих ныне женщин. Воспользовавшись почитанием богов и, по всей видимости, договорившись как-то с Ледой, она и ее сообщница смогли выдать себя за царских дочерей. Немыслимо, но ей действительно удалось все это проверить!

«Да уж, плоть моего колена была не зря принесена в жертву» – подумал царь Итаки не то с горечью, не то с восхищением.

– Нет, знаете, я не видел Елену до сегодняшнего дня, – соврал Одиссей, возвращаясь к теме разговора. – Но ее ум видится мне во взгляде. Она, определенно, не из тех, что сделает выбор, о котором все, включая саму Елену, будут жалеть.

– Ну, что же... – Тиндарей сдался. – Быть может, ты и прав. Стоит дать ей самой волю выбрать супруга. Но что тогда станет с остальными? Не перекалечат ли они друг друга?

– Остальных, – вдруг Одиссея осенило. – Я подобью заключить договор. Независимо от выбора Елены, во имя ее красоты, мы что бы то ни стало не будем причинять зло жениху. А еще мы все поклянемся, что придем тому на выручку, если ему будет грозить опасность.

– Какая славная мысль! – усмехнулся спартанский царь. Он снова положил Одиссею руку на плечо. – Ты далеко пойдешь с таким умом! И, будь уверен, за твои идеи я тебя щедро вознагражу. Вот что скажу: без невесты ты отсюда в любом случае не уедешь! У меня есть славная племянница, Пенелопа. Если Елена не выберет на сегодняшнем пиру тебя,

я познакомлю вас.

– Спасибо, – слабо улыбнулся Одиссей.

Они с Тиндареем направились в дом, и по пути у него в голове навязчиво вертелось понимание того, что ему не нужен был никто теперь, кроме Елены.

Хитрость Менелая

Что же в то время происходило в покоях у Елены, пока мужчины мирно беседовали во дворе?..

– ...Раздрай, Нестра, это просто раздрай! Я не знаю, как мне теперь быть! – обращалась она к Клитемнестре, которая прибыла в царский дом чуть позднее Тиндарея с братьями.

Елена гневно расхаживала по их комнате, ножкой пиная все, что валялось на полу. Девушка дважды уже наступила на какие-то браслеты, которые сама же скидывала со своих рук. При этом она тихо, но злобно ругалась, проклиная всех подряд.

– Ты ведешь себя сейчас, как маленький ребенок, – равнодушно заметила компаньонка, закидывая одну ногу за другую, удобнее размещаясь на ложе. – Дай мне, пожалуйста, вина. Я хочу расслабиться, утро с нашими «родственниками» меня утомило.

Елена подала «сестре» мех с вином и чашу:

– Хоть бы ты им подавилась! Видишь, как мне сейчас тяжело, видишь, что я на грани... Я иногда жалею, что вообще спасла тебя тогда от вепря!.. Сгинула бы там. Но нет, сейчас ты здесь, в царском доме, и вместо того, чтобы утешить меня, пьешь свое...

Вдруг Нестра встала со своего ложа, подошла к Елене и,

обхватив ее за плечи, поцеловала прямо в губы. Та от неожиданности оторопела.

– Успокойся, – мягко сказала Нестра, отстранившись. – Сейчас это будет самым лучшим выходом.

– Легко тебе сказать, – покачала головой Елена, и, взяв чашу для себя с прикроватного столика, наполнила ее на треть.

Отпив немного, она присела рядом с подругой. Конечно, дружба их была скорее вынужденной, потому как кроме них и Леды правды о происхождении девушек не знал в доме Тиндарея никто. На деле же они были совсем разные, и ни та, ни другая, не стали бы просто так искать общения друг с другом.

Познакомились девушки тогда, когда Елена, распрощавшись с Одиссеем, продолжила свой путь к заветной Спарте. У нее был план, как провести спартанскую элиту, влиться в их ряды самым авантюрным из возможных способов: представиться дочкой царя. Это было, разумеется, невозможно без поддержки со стороны Леды, до которой Елене еще предстояло добраться и каким-то образом уговорить царскую жену помочь ей.

Климнестра, пастушья дочь, отчего-то решила в одиночку прогуляться по лесу. Глупая и безрассудная, в отличие от Елены, она будто бы совершенно ничего не видела и не слышала вокруг себя. Тогда-то девушка чуть и не угодила на путь разъяренного вепря, который должен был стать добычей для пировавших в чаще леса охотников. И если бы за-

метившая ее Елена немедленно бы не заставила взобраться вместе с собой на дерево, Климестры в живых бы не было.

«А кто ты такая? А куда ты держишь путь? А можно мне с тобой? Ну пожалуйста!» – сразу после благодарности за спасение от девушки посыпались вопросы и просьбы. Елена, поначалу намеренная жестко отказать Нестре, глядя на ее жалобную «мордочку» (да-да, именно «мордочку», потому что ей девушка напоминала скулящего щеночка), не смогла устоять. Она внесла небольшое изменение в свою легенду, и девушки продолжили путешествие вместе.

Когда же они добрались до Спарты, им улыбнулась неслыханная удача: цари были оба в отъезде вместе с основной охраной и разведчиками, и добраться до Леды не составило Елене и Нестре труда. Они «поймали» ту, когда женщина вышла на свою привычную прогулку в близлежащий лес, пособирать диких ягод. Леда оказалась доброй и мягкосердечной, и, выслушав, какой долгий путь проделали девушки, и на какие жертвы пошли (особенно ее восхитила смелость Елены, которая умудрилась ограбить Одиссея), не смогла им отказать в просьбе.

Кроме того, царская жена не понаслышке знала, что такое жизнь в угнетении, потому как ей не повезло самой не повезло родиться и вырасти в другом полисе, небольшом и очень жестким в порядках, пусть и в состоятельной семье. Женщины там и вовсе считались не умнее домашнего скота, а потому Леда была сказочно рада вырваться оттуда в пят-

надцать лет и выйти замуж за Тиндарея.

«Но будьте готовы, – предупредила тогда их женщина. – Что ваши трудности могут прийти с возрастом замужества. Очень возможно, что Тиндарей будет выдавать вас за царей других полисов из соображений дружбы с ними».

И Елена, и Нестра понимали, на что идут. Только Нестре, в отличие от Елены, было совершенно неважно, за кого выйти замуж. Любовь как чувство ее не сильно интересовало, девушке очень хотелось попросту жить в роскоши и растить своих детей в полной противоположности тому, как растили ее.

Елена же, напротив, только и делала, что думала о своих чувствах, и терзалась природой их неблагородства. Со дня встречи с будущим царем Итаки она не переставала думать о том, как поступила с ним. И самым горьким для нее было то, что, как ей казалось, Одиссей ее возненавидел. А как же иначе, казалось девушке, могло быть? Однако извиниться перед ним Елена не могла, потому как выезд из Спарты был строго запрещен.

«А самое ужасное, помимо этой моей вины в том, – думалось ей. – Что я, кажется, остаюсь равнодушной к нему. Что-то в нем, в его образе такое было... Какие-то более высокие мысли читались во взгляде этого Одиссея. Ни у кого из спартанцев я такого не замечала».

Несмотря на то, что Елена очень хотела, чтобы Одиссей был в числе ее женихов, она понимала, что это на вряд ли

возможно. Девушке лишь оставалось лелеять надежду на то, что он не догадается о том, что той самой «спартанской невестой» окажется именно та Елена, что встретила его в парнасских горах. А помимо надежды, она жила реальной жизнью, в которой за ней уже начинали ухаживать молодые люди. Одним из них был Менелай, юноша ее возраста, сын другого спартанского царя. Находя его наиболее подходящим для роли мужа, она отвечала ему *как бы* взаимностью уже несколько месяцев.

В тайне от всех они гуляли поздними вечерами; Менелай нередко делал ей подарки, рассказывал истории о своих, казалось бы, насыщенных днях... Но Елене было скучно, нестерпимо скучно с этим человеком. Она понимала, что никогда не сможет полюбить этого ограниченного, приземленного юношу, и в то же время не прекращала его ухаживания. Менелай был самым подходящим, самым ненавязчивым из всех претендентов на ее руку, особенно, если сравнивать с большинством прибывших теперь с других полисов.

И вот, боги смиловались, послав Одиссея в Спарту. Взглянув на него, Елена сразу же поняла, что никогда не сможет отдать свое сердце никому, кроме него. Девушка не знала, как именно можно было объяснить это осознание... А, может, его вовсе и не нужно было объяснять?

– Легко тебе сказать, – продолжала Елена, делая небольшие глотки из чаши. – Ведь ты хоть сейчас готова выйти за первого встречного, лишь бы он был богач!

Нестра положила ей руку на плечо и улыбнулась. Ее совершенно не задела колкость Елены.

– Я просто не делаю из брака такой великой вещи, как ты. Если честно, ты вообще слишком серьезно относишься ко многому. Мне кажется, не стоит строить свое счастье на основе любви или нелюбви к какому-то мужчине. Они все равно жили и живут в своем мире. В нем царят война, хаос, кровь, политика, страсти, в том числе и к другим женщинам. Или ты свято веришь, что твой мужчина всегда будет только *твой*?

– Я верю, что это возможно, – слабо возразила Елена. – Но ведь, в любом случае, дитя, рожденное не в любви...

– Живет и растет, как большинство других детей. Любовь и брак, ты сама знаешь, очень большая редкость. Брак и уважение – вещь иная, более реальная. Менелай тебя уважает, и ты сама говорила, что он не так уж сильно тебя раздражает. Если все же Тиндарей позволит тебе самой сделать выбор, и ты выйдешь за него, вы не будете друг другу мешать. А захочешь взять себе любовника – с твоей внешностью и богатством это совершенно не составит проблем.

– Но Одиссей... Я тебе не так много про него рассказывала, и все же...

– Я все прекрасно поняла, когда увидела ваши взгляды на друг друга, – рассмеялась Нестра. – Как от такого огня не сторел весь сад, осталось для меня загадкой! И его-то ты как раз и сделаешь своим любовником.

– Нет, – покачала уверенно головой Елена. – Он никогда не пойдет на такое. Я либо буду его, либо ничьей. Если он меня вообще простит... То я выберу его, и никого другого.

– Тогда тебе придется уехать, – вздохнула Нестра. Грустно посмотрев на Елену, она положила свою руку на ее.

«Ты действительно ко мне привязалась, девочка?» – подумала Елена.

В свою очередь, такого чувства у нее не было ни к компаньонке, ни к Спарте. От полиса она ожидала гораздо большего, как и от людей в нем. Да, тут было, несомненно, намного больше свободы, но в то же время Елена поняла, что, будучи женой царя, она в любом места будет относительно свободна. Тем более, что это чувство уже жило у нее в душе, и никто теперь не мог его отнять. А люди, ее «семья», Нестра не были ей близки по духу.

«Может, этим кем-то близким мне станет Одиссей? – с надеждой думалось девушке. – И Итака примет меня? Стоит увидеться с ним до пира и поговорить, извиниться».

– Да, придется, – Елена погладила девушку по рыжим пышным волосам в ответ и, привстав с ложа, поцеловала ее в макушку. – Отдыхай, пей вино. Мне надо ненадолго отлучиться.

Нестра снова испустила вздох, но промолчала. Елена, в душе благодарная подруге за то, что та ее выслушала, действительно чувствовала себя более спокойной, выходя из комнаты.

– Отец! – позвала она Тиндарея, заведев его, выходящего из своих покоев.

– Дочь? – улыбнулся Тиндарей, обернувшись. Елена побежала к нему, как можно более ласково улыбаясь в ответ.

– Я хотела спросить, на счет сегодняшнего пира с женихами... – она не знала, как подступиться к нему, однако он царь понял, о чем Елена хотела его спросить.

– Один из твоих женихов уговорил меня, чтобы ты сама сделала выбор. Думаю, ты догадаешься, кто это был. И надеюсь, будешь к нему благосклонна.

Морщинки вокруг его глаз оживились. Тиндарею, видимо, искренне понравился Одиссей, что не могло не радовать Елену.

– Да, да, конечно! – оживленно защебетала девушка, расцеловав царя. Она крепко обняла его, а затем, спросив, где находятся покои Одиссея, направилась к ним.

«Но что теперь? Как мне поговорить с царем Итаки, не вызвав подозрений у других претендентов? Ведь на сегодняшнем пиру мне нужно будет сделать вид, будто я едва ли знаю каждого из них» – вдруг посетили Елену тревожные мысли.

Одиссей неожиданно вышел из-за колонны во дворе. Девушка замерла, не зная, что делать дальше и чего ожидать от него. Будет ли он злиться? Обругает ли самыми последними словами?

Подойдя, мужчина мягко взял ее за руку, точь-в-точь, как она сделала десять лет назад в парнасском лесу. Оглянув-

шись, чтобы их не преследовали пары лишних глаз и ушей, Одиссей повел ее за собой через вход, ведущий к аллее на заднем дворе царского дома. Молча они шли к одному из самых дальних деревьев. Сердце Елены стучало так бешено, что девушка, казалось, слышала этот стук отчетливее всех звуков в мире. Наконец, когда они остановились, скрывшись в листве, Одиссей развернул ее лицом к себе и строго посмотрел на нее.

– Мне жаль, мне правда жаль, – забормотала Елена, забыв про всю свою гордость, опустив глаза в пол. – Я до сих пор не могу себе этого...

– Да плевать, – вдруг выпалил Одиссей и, мягко взяв за подбородок, повернул ее голову к себе. – Ты понимаешь, что мне уже совершенно плевать? Но почему нельзя было раньше сообщить, что ты жива, почему нужно было столько терзать меня?

Елена рассмеялась. Она никак не ожидала такой реакции.

– То есть, ты даже не зол на меня? – подозрительно спросила девушка. В глазах мужчины Елена и правда не видела гнева.

– Я не знаю, я до сих пор в смятении, – нахмурился Одиссей. – А даже если и зол, то это не имеет такого значения, как то, что ты жива, и что мы можем стать мужем и женой. Не знаю, как тебе дались эти десять лет, но я... В общем, честно скажу, мои чувства, родившись в душе юнца под тем дубом, так и не угасли до конца. И я обещаю сделать все, что в моих

силах, для твоего счастья, если ты...

Елена не дала ему закончить фразу, быстрым, но нежным поцелуем закрыв его губы.

– Да.

Ни Одиссей, ни Елена, хотя и будучи одними из самых умнейших людей того времени, не могли дать отчета своим чувствам. Они видели друг друга так, как не видели никого прежде. Каждый виделся другому как нечто неземное, даже Елена, которая считала себя особенно скупой на чувства, не могла не испытывать к Одиссею нежность. Она понимала, что если упустит его, если не даст своему сердцу возможность полюбить этого человека, то пожалеет об этом.

Конечно, оба они были едва знакомы. Но это ничуть не мешало разгораться тому пламени в их сердцах, и влюбленные не могли сопротивляться его природе.

– То есть, на сегодняшнем пиру ты возложишь венок на меня? – улыбнувшись, взял ее за руки Одиссей. Елена застенчиво посмотрела на их переплетенные пальцы.

– Возложу, если меня не разразит молния Зевса, – усмехнулась девушка.

– А как же другие женихи, ты им вообще не дашь шанса покорить себя?

– Я не думаю, что буду способна их увидеть, – прошептала Елена.

Одиссей притянул ее к себе, и какое-то время они просто стояли в объятиях друг друга. Затем, отстранившись, Елена

сказала:

– Мне надо идти, готовиться к вечеру. Надо выглядеть по-добающе.

– Но ведь ты знаешь, что *всегда* так выглядишь? – с недоумением спросил Одиссей, помнивший Прекрасную в самом неряшливом ее образе, который все равно не мог скрыть природную красоту девушки.

– Нет, – слукавила Елена. Она, конечно же, по достоинству могла оценить себя, но выказывать такое считала глупым.

– Эх, – вздохнул Одиссей, выпуская ее руку. – В таком случае, я тебя отпущу на несколько часов. Надеюсь, они не превратятся для меня в вечность.

– Как и для меня, – улыбнулась Елена, медленно удаляясь от него. Она шла боком до самого конца аллеи, так, чтобы их взгляды не отрывались друг от друга.

Заходя в арку, девушка все еще продолжала мечтательно улыбаться. Однако, увидев человека, ожидавшего ее возле фонтанчика, лицо Прекрасной омрачилось. Это был Менелай, с укором смотревший на нее.

– Я знаю, что ты была не одна в аллее, – резко сообщил он. – Мне рассказали о прибывшем новом женихе. Одиссей, так? Мудрейший из царей, как его окрестили. И его в назначенных ему покоях я не нашел...

– Мы только поговорили, – Елена почувствовала, как заливается румянцем. – Просто... Познакомились.

– Как же, – хмыкнул Менелай. – И со многими еще ты планируешь знакомиться? Ты – моя, не забывай это.

Елена была ошарашена этими словами и тоном, каким мужчина говорил теперь с ней. Никогда прежде он подобных заявлений не делал, вел себя кротко и скорее умилял ее.

– С чего ты это взял? – раздраженно спросила девушка. – Я ничего и никогда тебе не обещала.

– А взял с того, что мне стала известна твоя истинная история. На днях мы с Клименстрой распили вина, и я уговорил рассказать ее, как дело было на самом деле. Не думай, что я так же глуп, как и твой названный папаша, Тиндарей. Я никогда не верил в сказку про лебедя-Зевса и яйцо.

Елена приоткрыла рот от удивления. Она не могла поверить, что Нестра могла так просто выдать их с потрохами. С другой стороны, чего можно еще было ожидать от такой глупой, как Нестра? Тем более, «сестра» никогда не умела себя контролировать, если выпьет лишнего.

– Молчишь, – Менелай снова ухмыльнулся.

Его мальчишеское, не подходящее возрасту лицо, стало теперь совсем скверным, даже уродливым. Елена всегда считала это лицо слишком круглым, каким-то до мерзости «молочным», лишенным всяких очертаний. Но только в тот момент, в момент этой дурацкой ухмылки, она поняла, что ненавидит и презирает Менелая всей душой.

– Молчишь, – продолжал мужчина, смотря как бы сквозь нее. – Потому что знаешь, что виновна.

– Перед тобой я не виновна ни в чем, – заявила Елена, вздернув голову. Она с вызовом посмотрела ему в глаза. – Если я и буду перед кем отвечать за свои проступки, так это перед богами... И перед царем Итаки, которого я выберу в мужа.

Она тут же поняла, что совершила оплошность, упомянув Одиссея. Но желание сделать неприятно Менелая было так сильно, что в ту секунду девушка не смогла удержаться.

– Пифия, ох, пифия, – вздохнул Менелай, посерьезнев. – Скажи мне, правда ли ты способна заглянуть в будущее?

– Я никакая не пифия! – возразила Елена, отойдя назад на несколько шагов.

– Хм, а я слышал иначе, – покачал головой мужчина, медленно приближаясь к ней. – А еще я слышал, что спартанцы очень жестоко карают за ложь всякого. Как ты думаешь, какую часть тела тебе отрубят, услышав правду? Или их будет несколько? И останешься ли ты вообще в живых после такой потери крови?

Лицо Елены залилось слезами.

– Пожалуйста, – пробормотала она, чувствуя поражение. – Пожалуйста, не говори никому!

Менелай подошел к ней совсем близко и обхватил прекрасное лицо своими нелепыми большими руками.

– Что ты, что ты, – ласково сказал он, заглядывая в ее заплаканные глаза своими болотно-зелеными, пустыми очами. – Я не собирался никому рассказывать тайну происхож-

дения своей жены. Как я понимаю, Тиндарей даст тебе право выбора на сегодняшнем пиру?

Елена лишь закивала в ответ, от страха не в силах что-либо произнести.

– Так вот, слушай меня, и тогда ты с твоими секретами будешь в целости и сохранности, – снова перешел на грубость Менелай. – Ты возложишь венок на меня, и мы поженимся. Останемся жить здесь, в Спарте, и вскоре ты родишь мне наследника. Если будет дочь, то имей ввиду, место ей будет у подножья скалы.

Елена была в ужасе.

– Неужели все то, что было прежде, было враньем?! – воскликнула она в отчаянье. – Наши прогулки, твои якобы чувства ко мне? И на деле ты такой...

– Жестокий, да? – Менелай нахмурился, опустив руки. – А ты не была жестокой, скрывая все это время правду, обманывая меня? Поверь, Елена, ты заплатишь Менелаю за свои пороки, как заплатит всякий, кто будет играть со мной в игры. Но цена эта будет намного меньше, чем если бы ты была уродиной. Тебя и впрямь спасает только твоя красота.

Девушка не знала, что ответить на такую триаду. Конечно, она поступала с Менелаем нечестно, но это было несравнимо с тем, каким негодяем оказался он. Ультиматум был поставлен, и если она не согласилась бы на условия царского сына, то ее ждала бы верная гибель.

– Я... – с трудом выдавила из себя Елена. – Я сделаю все,

как ты сказал.

«А может, ну его, такую жизнь? – пронеслось вдруг у нее в голове. – Может, я успею покончить с собой до этого пира?». Но Менелай как будто прочитал ее мысли:

– Сделаешь, – довольно кивнул головой он. – А если не сделаешь, и попробуешь хоть что-нибудь учудить... Под присмотром моей охраны твоя «сестричка» Нестра и Одиссей. Под присмотром, граничащим в любой момент с несчастным случаем.

Елена была окончательно повержена. Выхода не было, и она чувствовала, как над ее вот-вот начавшей расцветать жизнью нависла грозная туча.

– А теперь, иди, готовься к ужину, – слегка подтолкнул ее в сторону покоев Менелай. – И не смей являться на него с опухшим лицом. Ты должна быть красивой. Поняла? Красивой.

И Елена появилась на вечернем пире с женихами такой же прекрасной, как и всегда. На нее смотрели с восхищением и надеждой все, но особенно был взволнован Одиссей, который был уверен в своем счастье. С горечью же девушка возложила венок на голову ненавистного Менелая перед наступлением ночи, и это, казалось, стало крахом для любви Одиссея и Елены. В последний раз, перед тем как она удалась с пира со своим избранником, их взгляды встретились, и каждый понял, что сердца обоих никогда не смогут исцелиться от нанесенных ран.

Побег с Парисом

Одиссею в тот же вечер была предложена рука племянницы Тиндарея, Пенелопы. Она оказалась милой, кроткой девушкой, лишенной, однако, какого-то особенного очарования. Ей было около семнадцати лет, и возраст этот, пожалуй, был самым главным достоинством новоиспеченной невесты. Он ей очень шел, от Пенелопы так и веяло этой еще девичьей свежестью, наивностью. У нее была, в отличии от практически всех спартанских девушек, светлая нежная кожа, что также не могло не привлекать. Черты лица были мягкими, а улыбка придавала ему еще большую беспечность.

Многие из женихов позавидовали Одиссею, узнав, что Пенелопа была обещана ему. Но сам царь Итаки не видел в девушке ничего, кроме симпатичной оболочки. Она была «пустышкой», именно таким осталось первое впечатление о ней у Одиссея. Особенно на контрасте с Еленой жалко смотрелась эта девочка, этот невинный цветочек. Елена разжигала в его сердце огонь, а от Пенелопы клонило в сон. И все же он согласился взять ее в жены, потому как партия лучше на вряд ли в скором времени ему бы предвиделась.

– В таком случае, – поздравлял Тиндарей мужчину. – Ты уедешь отсюда все равно что победителем. Поверь мне, однажды за руку моей племянницы съехалось бы не меньше

женихов! Вот увидишь, она будет славной женой.

Одиссей лишь слабо улыбнулся в ответ. Утешительный приз его мало устраивал.

– Как-нибудь мы навестим вас в Итаке, и я уверен, что окажусь прав! – продолжал Тиндарей. – Ведь теперь наши полисы станут дружны, не так ли? И гостить друг у друга нужно будет как можно чаще. Я уже говорю: через год приезжайте с малюткой в Спарту! К этому времени, не сомневаюсь, у вас с Пенелопой уже родится наследник.

Одиссей слушал царя вполуха, думая лишь про себя: «Истинный политик, уже говорит о союзе городов... А я никуда не поеду, и жену не пущу. Не смогу я видеть Елены с другим... О боги, Тиндарей говорит о ребенке?! Да ведь у них тоже будут дети. Дети, у нее... И не от меня!».

В нем вскипела ярость. Он поставил пустую чашу, что держал в руках, на стол с такой силой, что, будь столешница чуть более хилой, проделал бы в ней дыру.

– Чувства, ох чувства! – приняв этот жест за выплеск эмоций, усмехнулся спартанский царь. – Но не забывай и о другом из них, о чувстве долга. Ты же договорился с остальными женихами о том, что Менелай не должен подвергаться опасности со стороны кого бы то ни было из вас?

Одиссей мрачно кивнул. Он уже сильно сожалел об этом договоре и о своем обещании.

– И в случае чего, – дополнил Одиссей. – Мы объединимся и вместе встанем на защиту Менелая, если тому будет что-

то угрожать.

– Отлично! – в восторге воскликнул Тиндарей. Он был переполнен радостью и вином в тот вечер донельзя, а потому чувства никак не стремился сдержать. – В таком случае, позволь мне еще раз тебя поздравить, и, пожалуй, я пойду, потолкую с молодыми.

Они обнялись, после чего Тиндарей удалился, оставив Одиссея смотреть на свою будущую бестолковую жену, которая оживленно щебетала со своими служанками о том, какие вещи нужно бы начать укладывать в Итаку. Пенелопа была тенью, милой тенью истинной женщины.

– Кажется, – пробормотал себе под нос Одиссей. – Мне действительно пора привыкать к тому, что вся моя жизнь станет теперь тенью.

И после этих слов мужчина напился практически до беспамятства.

На следующее утро он уехал в Итаку с будущей женой, не надеясь более никогда встретиться с Прекрасной. Но судьба распорядилась иначе.

Прошло около года, и у Одиссея с Пенелопой, как и предрекал Тиндарей, действительно родился наследник. Темноволосый младенец с большими серыми глазами был самым очарованием, и Одиссей, который так и не смог найти удо-

вольствия в общении с женой, не смог устоять перед обаянием этого мальчика. Сына он обожал, и проводил с ним все свободное время. Пенелопа же была счастлива, обрета, помимо радости материнства, множество таких же пустых, красивых подруг, с которыми коротала вечера.

По правде говоря, их обоих такое положение дел устраивало. Они не мешали друг другу в быту, никто из них не возмущался и не отравлял жизнь супругу. Каждый проводил время на своей половине, за завтраком и ужином они обменивались парой фраз, и несколько раз в месяц Пенелопа с Одиссеем делили постель. На этом все и заканчивалось.

– И кто сказал, что мне нужно семейное счастье? – вопрошал себя царь, засиживаясь на руках с сыном до самой темноты. – Вот оно, мое настоящее счастье! Моя плоть и кровь, мой будущий самый верный друг. Я не дам этим женщинам опорочить твой ум, не бойся, приятель! Когда ты немного подрастешь, я найму тебе лучших учителей!..

Он понимал, что сын был чистым листом, был его шансом оставить в мире даже не что-то, но кого-то, и это наполняло сердце молодого отца радостью.

Так и проходили дни царской четы – в заботах о ребенке и о государстве. И, действительно, Одиссеей уже начинал чувствовать, как становится счастливым в этом своем мире. Но в один вечер пришла страшная весть, переданная ему секретно.

Царь Итаки возвращался тогда через сад с прогулки к

ужину, и мысленно представлял себе то, что разделение хлеба с женой заканчивается как можно быстрее, и он уходит в детскую, повозиться с сыном. Вдруг справа от него, за одним из кустов, раздался шелест. Одиссей нахмурился и продолжил путь, решив, что это, должно быть, просто ветер. Тут же, однако из-за куста этого раздался негромкий голос:

– Одиссей!

Царь потянулся за кинжалом, который на всякий случай всегда носил при себе и медленно начал приближаться к кусту.

– Кто там? – так же негромко в ответ прошипел он.

– Я – посланник Елены. Елены Прекрасной, из Спарты. У нее для Вас сообщение. Только не медлите, у нас мало времени.

Несмотря на то, что это могло оказаться ловушкой, Одиссей сделал два уверенных шага и раздвинул листву. В ней он обнаружил сидящим мужчину, который никак не походил на спартанца. Выглядел тот грязным, совсем бедно одетым. Курчавые черные, как смоль, волосы грязными патлами свисали на его лицо, которое, однако, было очень красивым. Образ незнакомца был таким несуразным, что привел царя Итаки в замешательство на долю секунды.

– Я безоружен, – поднял руки на уровень головы посланник. – Вы можете меня обыскать, если хотите. Только уберегите, пожалуйста, это оружие. Всю жизнь я наблюдаю его у своего лица... Меня угрожали изуродовать или убить в лю-

бую секунду.

Брови мужчины соединились в подобие домика, что не могло не вызывать жалость на таком милостивом лице.

– Так ты – илот? – догадался Одиссей, с осторожностью убирая оружие в ножны. – Илот, служащий Елене?

– Именно так, – кивнул с облечением незнакомец. – И меня обещали освободить, если я выполню свое поручение.

– Тогда переходи к делу. Тем более, ты сам сказал, что времени у нас нет.

– Хорошо, – илот с тревогой посмотрел на Одиссея. – Елена угрожает опасность со стороны ее мужа. Она... Беременная.

В момент Одиссея пронзили тысяча самых острых орудий. Однако мужество не покинуло его, и, сглотнув, он ответил:

– И что же? Я очень рад за нее. Что может грозить ей теперь?

– Елена чувствует, что ребенок окажется девочкой, – покачал головой илот. – А в этом случае Менелай обещал сбросить младенца со скалы.

Одиссей пришел в ужас. Он слышал, что в Спарте иногда избавлялись от больных или от «лишних» девочек, но и предполагать не мог, что в семье спартанской элиты может случиться подобное.

– Но за что такая жестокость? Ведь это их первое дитя.

– Менелай узнал правду про Елену, – пожал плечами

илот. – Я не знаю, какую именно, но она попросила меня передать это вам. И поэтому он ее держит возле себя только для того, чтобы она родила ему сильного наследника. Больше Елена ему ни для чего не нужна.

Одиссей даже не нашелся, что ответить. Менелай, с которым он встретился на пиру год тому назад, никак не показался ему таким человеком.

– У Елены небольшой срок, – продолжал посланник. – Но она говорит, что *знает*, что это точно будет девочка. Материнское чутье. И, если Менелай приведет свой приговор в исполнение, то Елена не сможет жить дальше. Она наложит на себя руки.

– Так она просит меня ее вызволить? – нахмурился Одиссей. Безо всяких колебаний и сомнений, в его голове начал выстраиваться план спасения Елены. Ни на секунду он не задумался о своей боли, от которой страдал так долго. Ее жизнь стояла превыше всего этого.

– Нет, – неожиданно для Одиссея сказал илот. – Елена просит Вас обезопасить себя и ее сестру, Климнестру. Взять девушку под свою охрану. Потому как в случае самоубийства Прекрасной, Менелай грозился навредить именно Вам и Климнестре.

В голове Одиссея, наконец, кусочки мозаики сложились в единый рисунок.

«Она никогда не предавала меня! Негодяй вынудил ее выйти за него замуж!» – осознал царь Итаки.

– Я понял, – ответил илоту Одиссей спокойно. – Я все понял. Теперь отправляйся в Спарту и передай Елене, чтобы та была готова в любую минуту покинуть дом. И твое поручение будет исполнено. Я лично удостоверюсь, чтобы тебе даровали свободу.

– Спасибо! Спасибо, великий царь! Тогда я без промедлений отправлюсь в обратный путь! – радостным шепотом воскликнул илот. Даже в сумерках был заметен огонек, загоровшийся в его глазах.

Одиссей лишь кивнул в ответ и задвинул листву. Осмотревшись, он вернулся на аллею. Справа не донеслось не звука, но Одиссей знал, что илот уже бесшумно пробирался через охранников царского сада, чтобы поскорее начать свой обратный путь.

За те сто шагов, что он успел сделать до ступеней своего дома, Одиссей успел разработать детальный план похищения Елены. Казалось, этот он был совершенен во всех отношениях, однако в нем оставалось одно «но»: если Одиссей претворит его в жизнь, то никогда больше не увидит своего сына. Тот навсегда останется в Итаке и будет жить с человеком, похожим на него, как две капли воды. Даже жена, Одиссей знал, ни за что не догадается о подмене.

Это был сложный выбор, выбор между двумя самыми любимыми на всем свете людьми. И особенно тяжело было принять окончательное решение, когда после ужина с женой, на котором он ни крошки не смог съесть, Одиссей вошел в дет-

скую и застал сына спящим.

– Я люблю тебя, – наклонившись к крохотной головке, прошептал царь. – Я вечно буду тебя любить. Но Елена укра-
ла мое сердце навсегда, и я не смогу жить в мире, где нет ее.
Однажды мы снова встретимся. Я обещаю.

Он отъехал на рассвете, сообщив только о важном деле в
Трое. Никто из геронтов не понял причин такой спешки, как
не понял и ни намек на причину отъезда. Жена же спала, да
и на вряд ли бы расстроилась, не застав его за завтраком.

Поездка в Троию была спланирована Одиссеем накануне
вечером. Царь не боялся туда ехать без приглашения, пото-
му как был всегда там желанным гостем. Троя, хотя и враж-
довала со многими греческими полисами, была дружна Ита-
кой. А особенно были дружны Одиссей и Парис, сын троян-
ской царской четы. Лет пять назад до событий тех дней, они
встретились на одном из политических собраний, и не смог-
ли сдержать смеха при знакомстве друг с другом: они оказа-
лись похожими, как две капли воды.

– Да верно, нас разлучили при рождении! – воскликнул
тогда Парис, позабыв о том, что разговаривает с самим царем
Итаки. – Не может быть, я словно смотрю в воду!

Одиссей тогда даже не воспринял слова троянца как дер-
зость, хотя и был обычно подозрителен при знакомстве с вы-
ходцами из дальних государств и городов. Он лишь сам по-
разился, как они могли так сильно походить друг на друга.

– Не верится, не верится! – только и смог ответить Пари-

су царь Итаки. На деле, конечно, они были рождены совсем разными родителями, да и некие несущественные отличия в росте и фигуре все же имелись... Но лица были совершенно неразличимы!

В тот же вечер два молодых человека от души напились и подружились. Оказалось, что и внутренне они были во многом схожи, и потому тем для бесед у них нашлось немало.

– Как жаль, что я в ваших краях всего на несколько дней! – с сожалением выдохнул Одиссей, когда, слегка пошатываясь, они с Парисом покидали пир.

Шли они как бы «змейкой», более трезвый царь Итаки вел за собой юного троянца, и тот периодически опирался на плечо товарища, чтобы не потерять равновесие. Этот их придуманный способ пробраться до своих покоев недюжинно веселил всех тех обладателей сильной печени, что оставались еще на пиру. Да и сами «изобретатели», огибая то или иное препятствие в виде стола, очередного «тела» или же лужи разлитого вина, смеялись как над самой забавной шуткой.

– Жаль, друг, очень жаль! – воскликнул в ответ Парис. – Такого умного собутыльника нужно еще поискать!.. Эх, но, надеюсь, мы с тобой еще встретимся.

– Как и я, – искренне сказал Одиссей. – В Итаке тебе всегда будут рады.

– И тебе в Трое, мудрейший Одиссей! – Парис, расчувствовавшись, обнял новоиспеченного друга.

С того дня Одиссей действительно не оставлял надежды снова посетить Троию. Однако никогда не думал, что ему придется это сделать в подобных обстоятельствах. Ведь он, будучи по своей натуре человеком независимым, не любил просить кого-то о помощи, тем более просить кого-то притвориться собой.

Парис, как и ожидалось, с распростертыми объятьями встретил его. По-прежнему они были очень похожи друг на друга, только, может быть, взгляд Париса был более молодым, менее озабоченным.

– Приятель, – преодолевая все остатки гордыни, начал Одиссей. – Мне стыдно, очень стыдно просить тебя о таком, но...

И мужчина поведал всю свою историю от начала до конца, без какой-либо утайки. Одиссей рассказал и правду про оставленный в парнасском лесу на его колене шрам, и про долгие годы тоски, и про волнительную встречу с Прекрасной. Он с горечью поведал другу о своей опрометчивой женитьбе и о родившемся сыне. Все это время Одиссей непривычно для себя смотрел в пол, боясь заглянуть Парису в глаза. И, наконец, когда царь завершил свой рассказ про недавний визит илота, то с опаской поднял взгляд на собеседника. Тот, как ни странно, выглядел скорее ошеломленным, встревоженным, но никак не разочарованным.

– Так... – медленно проговорил Парис. – Это та самая Елена, по которой ты успел немного поплакаться в тот вечер,

что мы познакомились?

– Именно, – кивнул Одиссей, однако, слабо помнивший, чтобы говорил про Прекрасную другу.

– Хм, если это действительно она, и если это и впрямь ваша история...

– Все это – чистая правда, от первого до последнего слова, – серьезно сказал Одиссей.

– В таком случае, это и впрямь та любовь, за которую стоит бороться, – не менее серьезно ответил ему Парис. – Мы должны придумать, как вызволить твою возлюбленную. Ведь, как бы тяжело тебе ни было, выбор уже был сделан. Ты сейчас здесь, и обратного пути нет. Ты похитишь Елену.

На слове «похитишь» Одиссей вздрогнул.

– Во-первых, я хочу ее вызволить, – покачал головой он. – А, во-вторых, мой план...

Парис поднял руку, обрывая товарища.

– Я и так уже прекрасно понял твой план, – глаза троянца сверкнули. – Не забывай, я, хоть и не *мудрейший*, но далеко не глупый. И именно поэтому ты *похитишь* Елену Прекрасную. Похитишь, будучи Парисом Троянским. А Одиссей, будучи славным героем, из Итаки отправится на войну с коварными троянцами. Ведь, насколько я помню, Одиссей заключил какой-то договор с остальными женихами? И обаялся встать на защиту Менелая.

– Точно, – Одиссей хлопнул себя рукой по лбу. – Вот и дурак же я! Так хотел понравиться Тиндарею, что подгово-

рил остальных женихов... Неужели молва дошла и до этих краев?

Парис лишь с усмешкой покачал головой. Одиссей поднял усталый взгляд на него. Ему хотелось спать после стольких дней в дороге, но он не мог позволить себе расслабиться ни на секунду.

– И что же, – продолжил царь Итаки, стыдливо смотря на Париса. – Ты и впрямь пойдешь на подобное? Сможешь занять мое место, начнешь жить моей жизнью? А свое имя позволишь опорочить, войдя в историю как похититель Елены Прекрасной?..

– По правде говоря, – ответил без колебаний Парис. – Мне гораздо важнее не то, кем я якобы запомнусь в истории человечества, а то, как я *действительно* проживу свой век. Ведь никто из них не будет знать, что прожил его, делая добрые дела? Но *я буду*. И ты будешь. Мы оба сможем обрести счастье, живя под именами друг друга.

Одиссей был вдохновлен и ошарашен такой речью Париса.

– Но как же моя жена?

Парис лишь, ухмыльнувшись, пожал плечами:

– Раз она такая миловидная, как ты ее описываешь... То, скажу тебе, я не искатель глубоких чувств, подобных твоим. Мне достаточно будет просто милого личика и хотя бы не сильная глупость. И возможность общаться с кем-то на стороне.

Одиссей, отец которого нередко изменял Антиклее с самыми разными женщинами Итаки, ничуть не был удивлен подобным заявлением. Любовь и верность действительно были редки в браках Эллады, особенно в высшем обществе. И в то же время ему было не по себе от того, что он собирался оставить жену и ребенка Парису. Одиссей чувствовал, будто обращается с ними как с домашними животными или дорогими сердцу предметами, которые не хочется передавать под присмотр кому попало.

– Назад пути нет, – твердо сказал Парис, прочитав эти терзания во взгляде друга. – Его нет, иначе ты будешь винить себя всю оставшуюся жизнь в ее смерти. Если ты сейчас вернешься в Итаку, то от этого не выиграет никто. Я не спорю, это тяжело...

– И это бесчестно, – покачал головой Одиссей.

– Но в жизни далеко не все бывает честно, ты это уже должен был усвоить. Иногда чем-то приходится жертвовать.

– И похищать чужих жен?! – воскликнул Одиссей. Все его существо негодовало, а сердце разрывалось.

– Знаешь, – Парис положил руку ему на плечо. – Испытай я такое чувство, такую страсть... Я бы сделал исключение. Поступился бы своей правильностью. Ибо иначе жалел бы до конца своих дней, что упустил свою теперь, возможно, единственную возможность воссоединиться с Еленой.

Одиссей в душе понимал, что друг был прав. Ведь, не будь он согласен с ним, то не приехал бы в Трою и не начал бы

превратить свой план в жизнь.

Они какое-то время сидели и молчали. Затем, набравшись мужества, Одиссей произнес:

– Что же, в таком случае, пора бы начать сборы и искать нужных нам людей. Времени медлить у нас нет. С каждым днем решимость Елены будет крепнуть, в этом я не сомневаюсь.

Дочери царской четы Спарты вышли на свою привычную вечернюю прогулку. Елена шагала неспешно, и просила сестру, чтобы та тоже шла помедленнее. Днем ее сморило, и после недолгой дремоты женщина проснулась, чувствуя себя абсолютно разбитой. В горле пересохло, но никакие выпитые бокалы воды так и не смогли утолить ее жажды.

«Может, это уже жажда яда?» – горько шутила про себя Елена.

Заветный небольшой флакончик, который мог прекратить ее мучения в любой момент, она теперь всегда носила при себе, искусно спрятав его в большой медальон. Только руку протяни до собственной шеи – и все будет кончено. Но Елена терпеливо ждала, потому как не хотела, чтобы с ее собственной оборвались жизни Климнестры и Одиссея. А ради них она была готова потерпеть еще немного.

– Скорее бы уже за тобой послали, – проговорила Елена,

присев на прибрежный камень.

Ее замутило. Беременность проходила тяжело: молодая женщина сильно похудела, потому что все, чтобы она ни ела, желудок никак не хотел принимать и отправлял обратно. Ко всему прочему Елена очень тревожно спала, двигаться ей от вечного бессилия стало тяжело, а еще начались мигрени... Словом, Прекрасная осталась таковой, но теперь стала Прекрасно-Измученной.

– Ты же шутишь? – Нестра встревоженно опустила на колени перед подругой. – Ты не собираешься убивать себя... И эту девочку внутри?

– Нам с ней нет места этом мире, – тяжело вздохнула Елена. Солнце осветило ее исхудавшее, бледное лицо, и в его золотых лучах оно казалось более здоровым.

Нестра, которая уже не в первый раз слышала о намерении «сестры», залилась слезами.

– Я не хочу тебя терять, слышишь? Прошу...

– Ты не изменишь моего решения, – твердо покачала головой Елена. – Я не позволю, будучи в твердом сознании, сбросить моего ребенка со скалы.

Менелай был непреклонен, и Елена уже давно оставила попытки переубедить его. Через какое-то время даже ненависть к мужу сменилась безразличием. Ее единственным врагом стало теперь ожидание.

– Знаешь, Нестра, – призналась Прекрасная. – Моя история, этот круглый обман всех вокруг... На самом деле, я об-

манула лишь саму себя. Обретя большую свободу в Спарте, я все равно проиграла. Поэтому вот тебе мой совет: ищи всегда свободу в себе. И смотри на тех, кто рядом. Смотри на тех, кого случайно встречаешь спящими в лесу. Смотри на тех, чей глаз горит добротой, правдой, жизнью, силой... И никогда не отпускай их.

Климнестра не нашлась, что ответить, однако ей и не пришлось этого делать. Вдалеке послышался крик:

– Пожар! Пожар!

Сестры одновременно обернулись и ужаснулись: горел их дивный сад со всей аллеей деревьев.

– Нестра, беги, спроси, что там, – Елена сделала попытку встать, но поняла, что боль в животе ее практически обездвижила.

Климнестра, немного поколебавшись, все же решила оставить подругу и побежала к царскому дому. Навстречу из него к небольшой речушке, где сидели женщины, быстрым шагом спускался илот, тот самый, которому неделями ранее Елена дала поручение добраться Одиссея. По пути он бросил какую-то фразу Нестре, указав на дом, а затем продолжил спуск к Елене.

Женщина смогла встать, с тревогой взявшись за пока несильно округлившийся живот:

– Ничего, скоро все это закончится, – пробормотала слабым голосом она, обращаясь к себе и к жизни, растущей внутри. – Потерпим еще чуть-чуть?

– Прекрасная! – крикнул илот своим мелодичным голосом. Елена подумала, что, должно быть, этот раб мог бы петь прекрасные песни малышке, если бы она появилась на свет.

– Ты нашел Одиссея? Он послал кого-нибудь за Нестрой? – громко ответила Елена, собрав все остатки мужества.

Илот приблизился к женщине. Его зеленые глаза, всегда загадочно смотревшие на мир, походившие на кошачьи, сверкали огоньком радости. Он быстро поклонился госпоже и ответил:

– Я... Меня задержали в пути шпионы Менелая, поэтому я не смог добраться до Вас раньше. Но Одиссей уже здесь, он вызволил меня. И попросил даровать мне свободу, как только я выполню еще одно, свое самое последнее задание.

– Какое же?! – Елена не верила своим ушам. Неужели Одиссей был и впрямь здесь, в Спарте?

– Я помогу Вам сбежать с ним. Пойдемте, он ждет на противоположном берегу, но придется перебраться через реку быстро, пока Менелай не спохватился Вас. Пожар был специально устроен с тем, чтобы отвлечь всю семью и Вашего мужа.

– Но Нестра!.. – помотав головой, воскликнула Елена.

– Будет в полном порядке, – заверил ее илот. – Она уже на пути к своему любовнику, который отвезет ее в другой полис и сделает своей женой.

Елена знала, что ни один из любовников «сестры» не возь-

мет Нестру в жены.

– Ему заплатил Одиссей, – взгляд илота говорил о том, что он не врал. – Очень щедро заплатил. И будет содержать их тайно до конца дней.

– Хорошо, это и впрямь похоже на него, – смягчилась Елена. – Но что же...

– Доверьтесь, – голос раба был уже умоляющим. – Доверьтесь слепо. Мне, ему. Иначе мы все погибнем.

«Если погибать, так хотя бы борясь за жизнь до конца своего существования» – пронеслось в голове у Прекрасной. Она чувствовала, как что-то придавало ей сил. Медленно, словно тот маленький очаг в пещере, где впервые сидели они с Одиссеем, разжигался в Елене огонь прежних чувств. От него было тепло, и пламя его было ярким.

– Тогда бежим, – кивнула женщина. – Бежим, пока я могу.

Она подала рабу свою руку, и он, осторожно взяв ее, повел Елену за собой, к мелководью. Вместе Прекрасная и ее илот бежали по гальке, слыша вдалеке крики тех, кто пытался потушить пожар, тех, кто терял свое драгоценное имущество. Это была ее «семья», ее *Спарта*, но Елене было все равно. Она бежала, что было сил, потому что ее настоящая родственная душа ждала женщину на другой стороне речушки.

И хотя платье Елены было тяжелым для того, чтобы пробираться в нем через толщу воды, хотя ее медальон с заветным флакончиком сорвался с шеи и упал в реку, она продол-

жала свой путь, крепко держа за руку илота.

– Хотите, я понесу Вас? – в какой-то момент предложил раб.

– Нет, меня будет носить отныне на руках только один мужчина! – воскликнула в ответ Прекрасная, завидев Одиссея, который, выйдя из леса, уже бежал ей навстречу.

Когда, наконец, она вышла из воды, царь Итаки подбежал к ней и заключил в свои объятия, Елена не смогла выдать из себя ничего, кроме сдавленного рыдания. Эмоции захлестнули обоих, ничего внятного на ум не шло.

– Но как?.. – со всхлипом спросила женщина, которая теперь чувствовала, как тяжело было даже стоять на ногах. – Ведь ты – царь Итаки, ты не можешь...

Одиссей рассматривал любимое лицо до мельчайших деталей.

– Ну, отныне я Парис Троянский, – усмехнулся он в ответ. – А ты... Ты просто такая Прекрасная!

Ответ на загадку

Лаэрт вздохнул, завершив свое повествование. Мечтательно улыбаясь, он продолжал смотреть в костер. Сидевшие по другую его сторону юные спартанцы от захлестнувших их эмоций даже не знали, что делать: восклицать от радости или возмущаться от такой дерзости Одиссея. Поэтому на их лицах скорее отражалось смятение. Остальные геронты тоже не знали, какая реакция будет правильной на подобное, и потому терпеливо ждали комментария Лаэрта.

– Что же, а помните ли вы все ту загадку, что загадала мать Одиссея до своей кончины? – спросил через какое-то время он, обращаясь к подросткам.

Взгляд свой Лаэрт обратил на ту самую девочку, что вначале смело высказалась на счет Елены.

– «Что рождается утром, днем превращается в камень, а ночью обращается в прах?» – мигом оживилась спартанка. – И, я, кажется, знаю ответ!

– И каков же он? – наигранно нахмурился геронт, продолжая улыбаться.

– Непоколебимость. Человек, который суров к себе и другим, который по какой-то причине черствеет или просто становится жестким, рано или поздно проигрывает и становится мягче.

– Ты действительно очень умна, – заметил Лаэрт. – Продолжай же.

– На заре жизни в Одиссее родилась жесткость, в ее середине она окрепла, когда он взял в жены Пенелопу, но той ночью, когда к нему пришел илот и рассказал про беды возлюбленной, царь не смог устоять. Как Одиссей-царь он умер, «обратился в прах». Но при этом «Парис» уже стал настоящим человеком, который любит, который рискует всем ради чувств.

– Совершенно верно, – одобрительно кивнул Лаэрт, сделав пару хлопков над головой.

Это был знак илотам, чтобы те вынесли по чаше вина всем собравшимся возле костра. Юноши, девушки, и старики теперь держали по бокалу в руке. Лаэрт встал, и все остальные последовали его примеру.

– Перед тем, как идти спать, предлагаю выпить, – поднял геронт свою чашу. – За то, чтобы, беря на себя обязательства, мы никогда не забывали о своих истинных чувствах. И шли ради любимых на такие жертвы, как Одиссей. Ничего не осталось в жизни этого человека, кроме любви. Но он был счастлив до конца своих дней.